

Цикл "Шесть байт творения"
Андрей Вичурин

Байт IV

Проклятие Первого Десмода

16+

Андрей Вичурин

**Байт IV. Проклятие
Первого Десмода**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вичурин А.

Байт IV. Проклятие Первого Десмода / А. Вичурин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07213-8

Всеслав и Антон окунулись с головой в захватывающую игру, которую им навязали некие высшие силы. Она кардинально изменила жизнь героев, поглощая все их время без остатка. У них появились новые друзья и соратники, добавились умения и изменились статусы, открылись новые горизонты... Но цель их по-прежнему остается неизменной: ни много, ни мало, спасти свой кластер миров от разрушения. Для этого им предстоит сохранить распадающуюся реальность Земли, объединить отколовшийся Мир (Та Суил) с ММОППГ «Мир» и, ко всему прочему, собрать это все в «одном флаконе». Удастся ли им все это осуществить?

ISBN 978-5-532-07213-8

© Вичурин А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

I	5
II	11
III	18
IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

I

«Только излишество обеспечивает необходимое».

Эмиль Золя.

Антон.

Земля 2043 г.

Вкратце опишу взятие Меркатории.

Когда наши сводные отряды положили гвардию Авторытэта, нестройные ряды местных жителей, оставшихся без командования, ощетились всем наличным вооружением, – копьями, рогатинами и просто обычными заостренными палками, скорее всего, надерганными из чьих-то заборов по пути к месту ожидаемого столкновения. Однако Тет'Ург оказался демоном неглупым, и приказ к атаке своему полубатальону отдавать не спешил.

Вперед вышли трое переговорщиков: Сергей, я и Марфута.

– Мы пришли с миром! – прокричал Сергей, сложив руки в латных перчатках рупором.

– Ага! – донеслось из глубины рядов защитников. – И корпус демонов, миротворческий, с собою привели!

– Убирайтесь! – донесся еще один крик, видимо тоже кого-то из игроков. – Вернется Авторытэт и вам мало не покажется! Он уже кинул клич среди своих в реале, так что ждите!

– Зачем вам всякие аффторы – тэты? – подала голос Марфута. – Мы в Розе Ветров скинули Бульгалтера и Заломая в застенки упрятали, пока не поймет, что не годится супротив народу идти! Мы сами себе выбрали градоначальника и воеводу, – из своих! Вот он перед вами!

– Брешете вы все! – донеслось с той стороны. Неведомый игрок не унимался. – Это, паладин-то, – из ваших?! Не смейся мой кистень! Слыхали, мужики? Паладин!!! Паладин – непись! Ха-ха-а!

Я шепнул Сергею на ухо несколько слов. Тот кивнул, соглашаясь.

– Хорош, мужики! – зычно крикнул он. – Не то действительно дождетесь возвращения гопоты. Оно вам надо? Демоны уйдут восвояси, а нам с вами вместе еще жить, да жить! Авторытэту кранты по любому, – это я вам говорю! С вашего согласия, или нет...

С той стороны наступила тишина через минуту разорванная едва слышным вопросом:

– А как оно там у вас без панов?

– Замечательно! – заверила Марфута. – Живем и работаем для себя. Всего хватает, никто не измывается. В общем, лучше еще не бывало!

– А налоги? – поинтересовался тот же голос. – Меньше стали или как всегда?

– Налоги... – почесала в затылке Марфута, сняв шлем. – Налоги, – только с добычи. Леса, угля, самоцветов. С того, что наше, общее. Да со спекулянтов, с перепродажи... С производства налогов нету! Я, к примеру, кузнец. Что выковала, продала, – то все мое! Хочу, сделаю пожертвование в казну, – от этого тоже репутация растет, а не хочу, – так и не надо!

Толпа напротив загудела.

– Брешут они все! – прокричал все тот же игрок. – Как же они городское хозяйство содержат? Может быть, у вас уже и пенсию неписям платят?

– Не знаю, что такое песня и непеснь, – рассудительно произнесла Марфута, – но без поборов, жить стало лучше, жить стало веселее!

– Эй, мужики! – снова обратился к ним Сергей. – Зря время теряем! Мне еще с вашим правителем – уркаганом разбираться! Кто-нибудь, кликните мастера Эниуса, торговца зельями с Алхимической улицы! Он вам быстрее все объяснит!

Один из защитников, отделившись от группки, экипированной немного лучше и стоявшей слегка особняком, поспешил к открытым городским воротам, но не добежал, остановился с открытым ртом, пропуская выезжающего навстречу всадника в богатых доспехах на воро-

ном златогривом коне. Тот, приблизившись к защитникам, проехал сквозь строй и остановил коня перед их неровными рядами, окинув внимательным взором, монолитные коробки демонических рот за нашими спинами и вынул из ножен меч. Затем только посмотрел на нас и, споткнувшись о мой заинтересованный взгляд, на секунду задумавшись, улыбнулся и приветливо помахал свободной рукой. Вложил меч в ножны, развернул коня и неторопливо, с достоинством держась в седле, двинулся вдоль строя разношерстного ополчения, внимательно глядя в каждого. На голове его сияла восьмью лучами золотая корона.

Толпа заволновалась.

– Мастер Эниус?!

– Это не он!

– Он! Только, не такой как всегда, какой-то другой! В короне. Как король...

– Король???! Король вернулся!!!? – пронесся рядами ропот.

– Король Тристиан!!!

Ополченцы, с криками «Ура!» подняли свое неказистое оружие, и начали скандировать:

– Король!!! Тристиан!!! Король!!! Тристиан!!! Король!!! Тристиан!!!

Потом в едином порыве стали на одно колено и приклонили головы, сняв головные уборы. Единицы, видимо игроков, остались стоять среди коленопреклоненной людской массы.

– Ты, почему не сказал мне, что он король? – возмущенно прошипел мне на ухо Сергей. – Мы им полчаса про демократию втираем, за радость жизни без паразитирующего класса агитируем, а тут монарх нарисовался, причем, не без нашей подачи! И как теперь быть?

– А никак! – успокоил я его. – Он же – главный искин Королевства Восьми Дорог! Со своими неигровыми подданными сам как-нибудь разберется. Алгоритм, – он сила, видишь в каком они экстазе? А за игроков, вы с Бронятой побеспокойтесь. И Всеслав королю словечко замолвит. Ему-то он точно не откажет!

– Ага... – слегка задумался батин друг. – А откажет, так Всеслав ему пропишет! Алгоритм... Блин! Время идет! Надо выдвигаться к Кругу Возрождения. Местную братву лучше обнулять по одному.

– Мои верные подданные! – обратился тем временем к своим людям Тристиан. – Идите по домам! Нам предстоит много работы! Это наши друзья и они помогут нам восстанавливать город! Не бойтесь, демоны в него не войдут! Вставайте же, и идите!

Ополченцы стали подниматься, натягивая на головы шапки и шлемы, и потянулись жиденьким ручейком к воротам столицы.

– Куда же вы? – прозвучал разочарованный голос неугомонного игрока. – А как же демократия? Долой поработителей!? Свободу волеизъявлению!?

На него зашикали из толпы.

– Слышь, дерьмократ! Ты бы так кричал, когда Авторытэту девчонок по городу высматривал! – злобно заметил кто-то из местных.

– Стоять! – услышав замечание ополченца, взревел Сергей. – Держите его!

Щуплый невысокий тип с луком в легкой кольчуге, мгновенно сориентировался, вывернувшись из рук двоих ополченцев, схвативших его недостаточно крепко, и задал стрекача в направлении виднеющегося на западе леса.

Вот, в общем-то, и вся история.

Тристиан поведал нам как, будучи уверен в том, что на родной город напали безжалостные демоны, принял решение больше не таиться, а пойти и умереть за его свободу. Хотя и признался в своих сомнениях, – будет ли при демонах хуже, чем при Авторытэте.

Когда он, готовый погибнуть с мечом в руке, на фоне извечного врага увидел меня, – сначала не поверил своим глазам. А затем, сопоставив информацию, которую ему дал Киберспонч, проанализировав полученные от резервного искина, короля Горлона I, до сих пор нахо-

дящегося под домашним арестом в замке Барабус, игровые логи, мои и Конди, понял, – мы не враги. Мы пришли вернуть, обещанный Киберспончем от имени Создателя устоявшийся порядок вещей.

Наш отряд без препятствий вошел в Меркаторию. Демоны разбили лагерь в виду города. Для Тет'Урга было сделано исключение, его пропустили вместе с нами.

Конди и остальные бойцы его отряда, остались обнулять Авторытэта и его сподвижников, а я вышел в реал. Мне надо было подумать. Крепко подумать, как быть и что делать дальше.

Я остался совсем один.

Ксюша и Всеслав в плену у Абигора. Пончик тоже в своеобразной тюрьме, – безвыходно заперт в «Litrage».

И, похоже, помогать им, кроме меня некому. В отличие от Всеслава, команды побратимов у меня нет, и не было. А его друзья, не очень-то и торопятся бежать вызволять своего однополчанина, – у них другие заботы, – оцифровка и ассимиляция в виртуальной реальности. Пока они отвлекутся от своих проблем, как бы не стало слишком поздно. Так что, как в том анекдоте, придется выкручиваться без ансамбля. Самому, тля. Одному, тля. Как персту, тля.

Абигор изъявил желание пообщаться. Что ж, пожалуй, пришло время.

Квартира встретила меня сонной тишиной и уже позабывшейся в многоцветии виртуала, слегка коричневатой серостью сепии.

Я не спеша принял душ, постоял несколько минут у капсул, глядя на лежащих с умиротворенными лицами Ксюшу и Всеслава, сварил рисовый суп, выпил кофе. Вроде бы, все, как всегда. Но...

Нет былой легкости в моих действиях, – ни в принятии решений общего жизненного плана, ни в обычном быту. Меньше осталось степеней свободы. Я уже не выбираю сам, где и зачем мне находиться. Все чаще стало посещать явное и смутное беспокойство. Не о своих делах – проблемах. За других. За родных людей, кибернетических братьев, невест – драконов. И их саламандр...

И в то же время, парадокс, – мне от всего этого геморроя даже радостно как-то, светло, что ли...

Все-таки, странно устроен человек.

Я снова наклонился к капсуле с Ксюшей и всмотрелся в ее спокойное, и одновременно одухотворенное лицо.

И странно устроен мир. Не Мир, не «Мир», а – мир! Вообще. Все вокруг.

Он запер нас в несовершенных телах, дав нам совершенный мозг. Которым мы не знаем, как пользоваться. Бытует мнение, что мы используем его всего на 10%, а некоторые и того меньше. Не верю! Полнейший бред! Тогда почему, составляя всего 2% от массы тела, он потребляет 20% его энергии? Не потому ли, что занят он постоянно. Причем все его отделы. Другой вопрос, – чем он занят? Расчетом траектории посадки на Марс, или подбором убойных выражений для соседа сверху, затопившего вашу квартиру...

Или попытками связать воедино, казалось бы, невозможные вещи. Взять хотя бы наши с Ксюшей реальности: Землю и Ассах...

В балконную дверь кто-то поскребся.

Бли-ин! И их саламандр...

Ёлы – палы! Шстелльсси! Забыл про нее совсем! И не один-то я, ё! Не кормлена животи́на уже неизвестно сколько. Не подохла бы, не дай боги!

Пришлось на быструю руку сварганить саламандре перекус. Сугубо из того, что оказалось в холодильнике. Суп ей вряд ли понравится. Сделал салат из огурцов и помидоров без майонеза и соли, – ей вредно. Отварной, можно сказать, почти диетический картофель и отпущенная в микроволновке капуста.

Да. Еще – один жаренный до хрустящей корочки окорочок. Всего их было пять, и я решил приготовить их все, на всякий случай. Для особо оголодавших. Всеслав и Ксюша надолго у главдемона не задержатся, я надеюсь! Ну а, если их не будет еще пару часов, пойду выручать. С помощью отцовых друзей, или без.

Шштелльсси умяла еду в пять секунд, мясо – поглядывая на меня, с особой благодарностью.

Саламандра поела, попила, и пошла вразвалочку в зал, к столу, где продолжал работать не выключенный Всеславом компьютер. Подождала, пока я выйду из кухни, и обернулась. Взглянула на меня выжидающе. Я непонимающе пожал плечами.

Она привстала и, положив лапы на кресло перед столом, вновь бросила на меня красноречивый взгляд, показательно уставившись в черный экран монитора.

– Кссенишшаль сказала, ты умеешь говорить? – обратился я к ней, понимая только то, что саламандра хочет донести до меня какую-то информацию. – Так скажи! Или тебе действительно лень?

Шштелльсси молча посмотрела на меня с непонятной грустью.

– А я, знаешь ли, мысли читать не умею! – поставил я ее в известность, слегка раздражаясь. Всякие там питомцы, – кошки, собаки, саламандры, – это все не мое. Не находим мы с ними общий язык. Наверное, виноват в этом я, не отрицаю. Ну, не люблю я животных настолько, чтобы еще и понимать их. Своих вопросов, выше маковки! А тут голову ломай, – может ей надо это, а может, и не то совсем! – Знаешь, что, дорогая! Ты или говори в чем проблема, или иди на балкон! И не морочь мне голову!

Шштелльсси молча застыла у компьютера, вопросительно на меня поглядывая. Только морду еще больше вытянула к монитору, пару раз подпрыгнула к нему и застыла. Я подошел, тронул рукой мышшь, от чего на черном экране проявилась картинка. Там Пончик по-прежнему, дергано, но в то же время, экономя движения, отмахивался от псов.

– Ну! Что дальше? – досадливо поинтересовался я у саламандры. – Чего тебе надо? Я не понимаю!

Шштелльсси посмотрела с печальной безысходностью мне прямо в глаза, вздохнула и негромко прошипела:

– Шшмотри шшквозссь мой даарр, Ааштони!

Я опешил. Ксюшина немая саламандра заговорила! Почти на чистом русском языке. Ладно, хозяйка, – схватывает все на лету. Но ее пет! Тоже обучился вместе с ней?!

Пока я задавал себе дурацкие вопросы, одна лапа Шштелльсси, та, что касалась кресла, приобрела сероватый неживой цвет карьерного гранита и окаменела. Она окаменела! От чего это произошло я, баран, понял не сразу. А потому, снова задал тупой вопрос:

– Ты, все-таки, разговариваешь!?

Саламандра с сожалением качнулась из стороны в сторону, ее движения сильно ограничивала окаменевшая лапа, и не ответила.

– Сквозь дар... Сквозь дар, – попробовал я понять, о чем она мне говорит. Но ничего дельного в голову не пришло. – Как?! Я не понимаю!

Шштелльсси качнулась еще раз и застыла.

– Шшатнь неффидимм и шшмотри в мирр в оххне! – вторая ее передняя лапа посерела. – Идди! Тффой брат жшшдеет!

Ее хвост превратился в камень.

Я напрягаясь изо всех сил, попытался последовать ее совету, но у меня ничего не получилось.

– Чшшееррт попберри! – прошипела она, теряя гибкость правой задней лапы и заваливаясь на бок. При этом почти с ненавистью посмотрев мне в глаза. – Шшмотри и ддейштфуй, перефертышш, шштопы ммоя шшмерть не шштала напрашшой!

Она, последним невероятным усилием ткнулась своей каменной мордой мне в бедро. И замолчала, окаменев полностью, застывая уроненной анималистической статуей у кресла с работающим на столе компьютером.

– Шштелльсси! Шштелльсси! – я склонился над ней, кляня свою тупость и обхватывая саламандру руками. – Шштелльсси...

Та осталась недвижимой. И такой же, как и раньше, теплой. Может быть, все-таки жива?!

И тут я увидел, как исчезают мои руки, а за ними вслед и все тело. Только в этот раз, я не стал скакать покусанным пчелами орангутангом, пытаюсь разглядеть пропадающие конечности.

Предметы в комнате потеряли четкие очертания, а сама она постепенно стала темной, с прямоугольной тенью вместо окна. Солнечный свет пропал полностью, и только саламандра ярко флюоресцировала под дрожащими северным сиянием стенами тоннеля, в которое превратилось изливающееся из монитора свечение.

Он заканчивался точно посреди комнаты, нереальными здесь фиолетовыми переливами входа в портал.

Честно сказать, задолбали!

Я не знаю, кто администрирует эту игру, из которой как мне ясно дали понять, выхода нет, но... Это уже явный перебор! В пустыне открыт портал, ждущий, когда мы приступим к выполнению квеста по поиску Матери Драконов. На журнальном столике лежит свиток портала, с приглашением моей матери посетить Мир. Теперь еще и здесь портал открылся!

Эй, вы там, наверху! Издеваетесь, что ли? Вы еще пять порталов активируйте! А то, как-то маловато! На что-нибудь другое, фантазии не хватает?

Словно услышав меня, затрещал сигналом вызова забытый на столе смартуотч, заморгал маячком, повторяя переливы рингтона, заставляя меня оторваться от невозможного видения, и возвратиться мыслями к насущному моменту существования в конкретно этой реальности.

Я, не видя своих рук, неуверенно нащупал его на столе и нажал «Ответить».

– Тоха! Наконец-то я до тебя дозвонился! – сообщил девайс, приторно радостным голосом Димы. Значит, снова проблемы, в одиночку для него неразрешимые. – Где пропал? Опять экстрим?

– Кх! Привет! Можно и так сказать! – согласился я, решив не афишировать своих похождения и текущей ситуации. – Как сам? Как ребята?

– Все тип-топ! – жизнерадостно заверил меня он. – Все здоровы и рвутся в бой!

– Нарыл чего? – поинтересовался я, осторожно обходя вход в иной мир. – Далеко? Надолго?

– Не-а... Не я, – смущенно признался Дима. – Аксинья...

– И что в этот раз? Бегемота тащить из болота? Бурю придушить руками? Золото гетмана Полуботька у англичан забрать и ей булаву гетманскую презентовать?

– Ну... – замялся Дима. – Почти...

– Что, «почти»? – подозрительно уточнил я, нащупав в темноте стул, споткнувшись об лежащую статую саламандры, и присаживаясь у тыльной стороны входа в портал.

– Почти угадал! – «обрадовал» меня товарищ. – Только не булаву, а скипетр! Точнее, его нижнюю часть. Его в свое время сломали нехорошие люди. И теперь она узнала, где искать рукоять.

– Ага... А наверху, окончание, набалдашник, или, как оно там называется, она отправит нас добывать позже, – предположил я, – когда найдет, у кого и где оно завалилось.

– Типа того... – не стал возражать Дима.

– И где нам предстоит искать эту палку? В этой Вселенной? Или в тридевятиом царстве, тридесятиом государстве?

– Это хорошо, что ты шутишь! – улыбнулся он на той стороне. – Мне нравится такой твой настрой! Обычно он приводит к находке! И...

– Короче! – прервал его я, соображая, стоит ли предпринимать какие-либо действия по отношению к открывшемуся порталу или подождать появления Всеслава с Ксюшой. – Я слегка занят! Конкретнее!

– Киев, – обреченно выдохнул Дима, – храм Лады.

– Ты уверен?! – удивился я, не смотря на весь сюрреализм ситуации. – Не на Ладого?

– Ага! Уверен! – подтвердил он. – Киев. Храм Лады на Подоле.

– Разве, там есть такой? – не понял я. – Или у нас лидеры традиционных вероисповеданий настолько толерантны стали, что не только с автокефалией смирились, но уже и язычеству статус официальной религии присвоили, и храм разрешили восстановить?

– Насколько я знаю, нет! – признался Дима. – Ни храма, ни официоза. Но Аксинья сказала, – идите, и найдете...

– Чего найдете? Храм невидимый и неощутимый? Тысячи лет, тихонько прячущийся в тени посреди многомиллионного города?

– Она сказала, – мол, ты еще многого о себе не знаешь! – не сдавался Дима.

– А что еще она сказала? – не поверил я своим ушам. И возмутился: – Вот ты, – образованный современный человек, и тебе в голову не пришла простая такая мысль: это натуральный бред! Я в курсе как найти храм, находившийся где-то на Подоле еще в первые века AD? После Рождества Христова? Это невозможно! Аксинья ему сказала!

– Раз сказала, – значит, знаешь! – отрезал глава поисковиков. – Или ты забыл Лешозера? Ничего не было потому что, такого не может быть? А оно было! И это...

Он вздохнул и, понизив голос, доверительно сообщил:

– Я после тех событий спать не могу! Все перевернулось с ног на голову! Я теперь точно должен знать, зачем все, почему именно так? А иначе, – для чего жить? С Любашей поругались...

– Проболтался... – нейтрально констатировал я.

– Ага... – грустно признался товарищ. – Во сне ее Аксиньюшкой назвал...

– Да-а... Печалька... – неискренне посочувствовал я, решив закончить разговор, а потом уже и думать по поводу переливающейся передо мною рамки.

– Так что? – с надеждой поинтересовался Дима. – Поедем?

– Утро вечера мудренее, – процитировал я персонажа, возможно современника необъяснимой ведуньи. – Давай завтра поговорим?

– Давай! – радостно согласился он. – Аксиньюшка так и сказала: «Поутру примете верное решение»! Как в воду глядела!

– Ага! А еще чего? – подозрительно поинтересовался я. – Меч-кладенец, не показала, где спрятан?

– Все! Больше ничего! – заверил Дима. – Просила только поосторожнее быть. Мол, там нынче, – не то, что давеча.

– И как это понимать?

– Не знаю, признался он. – Может быть, она имела в виду, – поменялось что-то?

– А нам-то, какая разница? – спросил я, твердо решив до возвращения Всеслава по поводу портала ничего не предпринимать. – Все равно мы не знаем, как там было раньше. В общем, давай, до завтра!

II

«Человек, который двигает горы, начинает с того, что носит маленькие камни».
Конфуций.

Всеслав.

«Мир» 2043.

Абигор убрал купол, накрывавший непроницаемой скорлупой тьмы обезлюдевшую Розу Ветров. Кстати, жителей, всех без исключения отправленных на каменоломни у границы с баронством Кайт, он обещал вернуть, как только получит обещанное мною место для жизни своего клана.

Еще он любезно предоставил нам портал к Меркатории, которым мы с удовольствием и воспользовались, выйдя на той стороне у облезлой городской стены.

Да, напитанная кровью Абигора и потяжелевшая часть «Сферы Ра», лежала у меня в инвентаре.

В сам город спешить не было смысла. Пока улягутся послеосадные страсти, успокоятся нервы друзей – захватчиков, после обнуления прежних хозяев, смирятся с новой властью мирные жители. Столько времени я, конечно, ждать не собирался, но и пороть горячку тоже. Пускай Серега с Волковым слегка разгребут текучку, а затем и я пообщаюсь с главным искином, – никуда он теперь не убежит. Хотя в ближайшую таверну идти придется все равно. Хотя бы для того, чтобы оставить свою игровую тушку в безопасности Личной Комнаты.

Что действительно сейчас необходимо, – так это, выйти в реал. Привести в порядок потихоньку атрофирующееся в капсуле тело. Чего бы там ни говорили о безопасности и стимулирующем воздействии нынешние производители сих девайсов. Третьи сутки идут. Надо вернуться в себя, вылезти на белый свет и размять дрябнувшие мышцы. Да и просто пожрать. Желательно чего-нибудь вкусенького, – не все же время питаться внутривенно!

– Сереж! У нас порядок! – бросил я в чат. – Мы в Меркатории. Выйдем в реал на денек. Встретимся по нашему возвращению. Я маякну.

– ОК! – выскочило мгновенно в ответ. – Жду, братишка! Рад, что у вас все хорошо! Потом расскажешь!

Мы с Ксюшей выбрались из капсул почти одновременно. Она сразу ушла наверх.

Я щелкнул клавишей на стене, включая освещение. На обеденном столе стояли грязные тарелки. Раньше за Антоном такой неаккуратности я не замечал.

Вдруг сверху донесся крик:

– Папа! Скорее сюда!

Я не взбежал, – взлетел по лестнице, встревоженный интонациями ее голоса, а еще больше тем, что она первый раз назвала меня «папой».

Антон, на первый взгляд в полумраке комнаты не оказалось. Только слабо мерцающий монитор с отбивающимся от собак усталым Пончиком в нем. Возле пустого кресла у компьютера, в странной позе на боку лежала каменная саламандра, – один в один, Шстелльсси.

– Наконец-то! – донеслось из обиженно скрипнувшего кресла. – Все хорошо?

– Выключи свет! – приказным тоном попросила меня, озадаченно вытаращившегося на пустое говорящее место, Ксюша, и стала постепенно истаивать в воздухе, обращаясь к невидимому Антону: – У нас все в порядке! А у вас, что случилось? Что со Шстелльсси?

Я выключил освещение.

– Потому что, заговорила, – печально сообщил голос Антона из кресла. – А я сразу не понял, о чем это она... Вот и окаменела, пока мне объясняла.

– О-о! – донеслось оттуда же восклицание исчезнувшей Ксюши. – Ты еще не заходил?

– Нет! – подтвердил Антон. – Вас ждал!

– Вы это о чем? – поинтересовался я у двух невидимок.

– А-а... Молодец! – похвалила она, пропустив мой вопрос мимо ушей. – Пойдем вместе!

– Еще чего! – не согласился Антон. – Там может быть опасно!

– Так мы же все вместе пойдем! – не согласился голос Ксюши. – Втроем, чего бояться?

– Вы это о чем? – снова не вытерпел я, устав ждать объяснений. – Никто никуда не идет!

По крайней мере, пока мы все не обсудим. Да в чем, дело-то?! А ну-ка, материализуйтесь обратно и расскажите толком!

– Какой толк? Сплошная бестолковщина! – поведал Антон, проявляясь в кресле. – Вон, портал еще один открытый!

Я посмотрел в направлении центра комнаты, обозначенного им взмахом руки и ничего не увидел.

– Какой портал? Куда?

– В «Litrage», конечно! – улыбнулся моей недогадливости Антон.

– Ты его не видишь, потому что не вошел в состояние невидимости, – пояснила Ксюша, появляясь. – Войди и посмотри сам!

– Ага! – уныло согласился я. – Сейчас, только вспомню, как, и шнурки поглажу...

– Зачем? – она недоуменно посмотрела на меня. – Шнурки?

– Нет у меня такого умения. Ни здесь, ни в игре! – в очередной раз признался я в своей неполноценности. – Ни со шнурками, ни без...

– Жаль! – расстроилась она. – Этому только Шстелльсси могла обучить. А она...

– С ней все будет в порядке? – вклинился в разговор Антон. – А то, это она из-за меня...

– Не переживай! – успокоила его Ксюша. – У нее такое иногда бывает. Через некоторое время отойдет, все наладится!

– Слав! Давай ее поднимем, хотя бы! – предложил Антон. – Вдвоем. И перетащим в тот угол, чтобы не цепляться, а то она тяжелая!

Мы с натугой перетащили саламандру в угол у балконной двери и поставили на лапы. Чуть пупки не развязались. В ней каменной, килограмм под сто пятьдесят оказалось, не меньше!

– В общем, я в пролете! – констатировал я печальный факт, разгибаясь. – Но вдвоем, я вас туда не отпущу, и не надейтесь!

– А как же Пончик? – со слезами в голосе поинтересовалась Ксюша. – Так и будет там заперт?

– Ну... – замялся я. – Не будет. По крайней мере, долго. Есть еще вариант, – Спектраллии. Ты забыла?

– Это не долго! – не согласилась она. – А очень долго! У Посвященных на овладение письменами уходят годы! Пока ты изучишь все руны, пока поймешь, как их правильно складывать...

– У меня своя методика запоминания! – успокоил я невестку. – Особая. Ладно! Давайте обсудим текущую ситуацию, и уже потом будем принимать решения! Не впопыхах. Только сначала искупаемся и перекусим! Идет?

– Идет! – согласился Антон. – Купайтесь, а я пока на столе внизу порядок наведу.

– И что, какие мысли? – спросил он с нетерпением, подавая кофе и едва дождавшись, когда мы закончим поглощать приготовленное им угощение.

– Первое, – стал загибать пальцы я, – и главное, из того, что мы имеем на данный момент: у нас есть шестьдесят процентов «Сферы Ра».

– С каким условием Абигор расстался со своим осколком? – поинтересовался Антон.

– Я передам ему во владение Мой Личный Мир после некоторой доработки, – сообщил я. – Не знаю, существенно это или нет, но теперь эта часть октеракта напитана его кровью. Он на ней принес клятву. Если интересно, скину запись, когда зайдем в «Мир».

– Скинь, – согласился Антон.

– Второе. Доступ к инструментам разработчика, у меня появится, как только я встречу с Дерриком, – королем Тристианом. А как там пойдет дальше, пока не представляю. Из хорошего, – это все...

– Да-а, – задумчиво протянул он, окидывая нас взглядом. – У меня та же история! Все мое хорошее – здесь!

Ксюша ободряюще улыбнулась ему.

– Ладно, теперь разберем проблемы. Меня, несомненно, волнует вопрос, как вытащить Пончика, – я предостерегающе поднял руку, останавливая готовые сорваться с их губ предложения. – В портал никто пока не пойдет! Я не верю в случайное его открытие, а тем более в то, что он – проявление доброй воли неизвестного доброжелателя. И вообще, вся эта история с «Литражем», больше напоминает чью-то неуместную шутку, скорее даже некую закладку – пасхалку, сделанную с единственной целью, – увидеть нас внутри. Не знаю, кто ее оставил и зачем, но его навязчивое желание затащить нас в эту игрушку меня напрягает. Я бы предпочел попробовать воздействовать на нее снаружи.

– Может быть, ты и прав, – нехотя согласился Антон. – Пускай «Литраж» немного подождет. Пончик же, вне опасности?

– Ничего с ним не случится! – заверил я. – Игра закольцована. Хуже уже не будет. Давайте решим с другим. У нас и так хватает открытых порталов и незавершенных квестов. Я должен доделать и передать МЛМ Абигору, раз. Пройтись с Дерриком по старым логам, два. Ты еще не забыл, – где-то есть червоточина, соединяющая «Мир» с Та Суил. Ее надо найти, иначе нам с Ксюшей в него не попасть. Подаренный твоей матерью свиток, скорее всего, рассчитан только на тебя. А отпускать тебя одного в логово вампиров мы не собираемся! Правда, Ксюша?

– Только вместе! – согласно кивнула она. – Хотя я с твоими родственниками и не знакома, но наслышана! Достаточно, чтобы их опасаться!

– Дальше, – продолжил я. – Непонятки с поисками Лассар на Бххеатта. У вас в пустыне открыт портал и таймер квеста запущен. Я же, со своей стороны должен через пару часов встречать Шшлемхх Аинна в своем времени, в своей реальности, на крыше своего дома. По тому же самому вопросу.

– Как... – начал Антон и замолчал, удивленно поймав Ксюшин взгляд.

– Вот это да! – выдохнул он через минуту. – Как будто сам там присутствовал! Так вы уверены, что она где-то в твоём городе?

– По крайней мере, ни у дракона, ни у демона, в этом сомнений нет! – подтвердил я.

– Действительно, не понятно... И как же теперь поступить с порталом в пустыне?

– Точно так же, как и с этим, – я указал на середину комнаты. – Пока, никак! Пообщаемся с Шшлемхх Аинном, потом решим. Что еще? Да! Лично мне совершенно не понятен смысл твоих попутных телодвижений! Я имею в виду поиск артефактов из реального прошлого Земли для неких третьих лиц.

– Белых Иерархов. Я думаю, в общую картинку надо бы вписать и мои похождения по заданиям Аксиньи, – соглашаясь, предложил Антон. – Без всего этого, пазл очевидно не сложится. Мне кажется, мы постоянно имеем дело со звеньями одной цепи. Не даром Аксинья пожелала получить первой «Петлю Свентовида». Потом сапфир из Ферды. Теперь ей рукоять скипетра понадобилась...

– Да, и еще учесть возможные интересы твоей родни. И участие во всем этом еще неизвестно кого! – добавил я. – Медальон-то, откуда-то у артефактора взялся! И ассасин загадоч-

ный с мегаубойной стрелой у Броняты, с заказом на непонятный коннектор. И Бретер этот. Ты не спрашивал себя, откуда у него взялась «Искра», так кстати, пригодившаяся тебе на Ассах?

– Не-а! – покачал головой Антон. – Как-то и не подумал, а и, правда – откуда?

– Вот-вот! – подтвердил я. – Голова кругом идет! А что за рукоять?

– Какого-то скипетра или булавы. Пока точно не знаю. Надо в Киев отправляться, – он бросил виноватый взгляд на Ксюшу.

– Я иду с тобой! – сразу предупредила она.

– Ты остаешься дома! – непреклонным тоном возразил он. – И не спорь, женщина!

Ксюша покорно потупила взгляд, не посмея возразить. Все-таки воспитание – большая сила! Сказал мужчина, и все! Мне до такой убедительности еще пыхтеть и пыхтеть, признаю! Антоша-то, мужик!

– Короче, – констатировал я. – Маразм крепчает. Мало того, что мы занимаемся не совсем понятными и не известно, зачем нужными нам делами, так уже и не успеваем чисто физически, – не разорваться же нам!

– А вы часть забот передайте мне! – предложила Ксюша, глядя на меня незамутненным взглядом. – Я справлюсь! А могу еще и братьев попросить помочь!

Мы с Антоном переглянулись.

– Пока нет необходимости! – не согласился Антон, отрицательно покачав головой. – Вот когда действительно зашиваться начнем... Тогда, возможно.

– Можете на меня рассчитывать! – просияла Ксюша. – И на всех дактили! Мы будем счастливы помочь Объединителю в его миссии!

– Спасибо! – просто сказал я. Антон благодарно ее приобнял, от чего она смутилась и стала цвета червонного золота.

– Ладно, давайте собираться! – предложил я. – Скоро прилетит Шшлемхх Аинн. Надо встретить, чтобы не накуролесил там в прошлом. Твой генератор в порядке?

– Я думаю, да, – рассеянно подтвердил Антон, отстраняясь от Ксюшинных волос.

– Возьмите меня с собой! – просительно посмотрела она на меня. – Пожалуйста!

– Да без проблем! – улыбнувшись, согласился я, доставая из ящика тумбочки кристалл на цепочке, подаренный Демиургом. – Собирайтесь, а я пока с Пончиком поговорю!

Стоило мне взять кристалл в руки, как он настоятельно и неприятно завибрировал, пульсируя красными сполохами внутри. Я напрягся. Не иначе, Демиург требует меня к себе. Не вовремя, блин! Совершенно не вовремя!

– Ребята! Нас приглашают в гости! – сообщил я, едва ушедшим в спальню собираться в прошлое Антону и Ксюше. – Очень настоятельно приглашают!

Я решил, что мы пойдём к Демиургу все вместе. О каком-либо политесе на этот случай он меня не предупреждал. Такой вариант, когда он пригласит или вызовет меня, – не знаю, как он там для себя представляет этот момент, даже не оговаривался. Тем более, у меня проснулся здоровый интерес – с чего бы это ему захотелось срочно меня видеть?

Вернувшийся в зал Антон, едва кинув взгляд на кристалл, все понял.

– И этот туда же! – пробурчал он. – Сейчас еще один портал появится!

Я пожал плечами. Порталом больше, порталом меньше. Какая уже разница? Зато заряд в кристалле сохраним.

– Готовы? – поинтересовался я у подошедшей Ксюши, надевая на палец «Радугу Гермеса». Просто так, на всякий случай, который меня уже не раз выручал. – Ну, тогда пошли!

Я вышел на середину комнаты, сжал тремя пальцами нужные грани, и в двух метрах спереди появилась переливающаяся фиолетовым рамка.

– Что Вы себе позволяете? – набросился на меня Демиург, едва я проявился в его достопамятном баре. – Как Вам могла прийти сама мысль освободить дракона и принимать клятву

крови у истинного Драругга!? Кто Вас надоумил? Мой октеракт и так идет вразнос, я с трудом удерживаю его от распада! А тут еще Вы, со своей неуместной самодеятельностью! Или все-таки Вас надоумили? Кто? Лахид?

И только высказавшись, он споткнулся взглядом об нечто над моей головой. И замолчал, удивленно и озадаченно катая желваки на скулах.

– Даже та-ак... – удивленно протянул хозяин, откровенно разглядывая меня и не обращая ни малейшего внимания на вышедших из портала Антона и Ксюшу. – Даже так! Теперь все ясно!

И уйдя за барную стойку, стал раздраженно звенеть бокалами и булькать жидкостями.

– Сделайте себе что-нибудь сами! – буркнул он, усаживаясь на высокий табурет и делая приличный глоток «Кровавой Мэри». Как символа цвета крови его октеракта, я так понял.

Пока он, вздыхая и чертыхаясь под нос, допивал свою томатно – алкогольную смесь, я налил три стакана мангового сока.

– И мне повторите! – попросил Демиург ворчливым тоном, протягивая бокал. – И водки, побольше!

Молча пили каждый свой напиток. Хозяин с непроницаемым лицом, не стесняясь, рассматривал всех нас по очереди, смакуя второй коктейль маленькими глоточками. Какого, спрашивается, вызывал? Помолчать?

– Поздравляю! – наконец-то нарушил тишину Демиург и отсалютовал бокалом Антону. – Надо же! Такой молодой, а уже «Отец Боли»! Помнится, Вамматар, до звания «Матери Боли», пришлось изрядно попотеть. Почти сто лет непрерывной работы!

– Какой такой Вамматар? – спросил Антон, напрягаясь.

– Такой. Обычной богине боли, неудачи и зла, – пояснил тот. – Сестре дружка Вашего отца, Руты!

– У него есть сестра? – удивился я.

– Быстро растете, коллега, – отодвигая в сторону пустой стакан и игнорируя мой вопрос, обратился он ко мне. – Такой стремительной карьеры на моей памяти не делал ни один смертный! Даже Тantalу, любимцу Зевса, ничего не выгорело бы, не родись тот его сыном.

– При чем тут он? – поинтересовался я, не отказываясь от дуэли взглядов, навязываемой Демиургом и проваливаясь в черные дыры его глаз. – Мой отец, – не Зевс Громовержец! И сына своего, чтобы досадить богам, я им вместо жаркого, на праздничный стол подавать не стану!

Бар исчез, осталась только темная пропасть взгляда Демиурга, в которую я бесконечно, плавно и стремительно соскальзывал с замираньем сердца, сжав зубы и тщетно пытаюсь остановить безудержное падение. Казалось, оно длится уже тысячу долгих лет, и тысячу лет я обречен, только наблюдать, как проваливаюсь все глубже и глубже. Темнота голосом Демиурга шептала мне: «Это не твое дело, не твоя забота. Оставайся таким, как был. Забудь обо всем, радуйся жизни, ведь она так коротка! Чем ты занят Всеслав? Чужими проблемами? Зачем они тебе? Оставь их тем, кто может их решить, забудь!»

Так прошла еще тысяча лет.

Да что же это такое? Я сам решаю, чем, когда и где мне заниматься! И никто, ни Демиурги, ни Менатросы, ни Де Смодонти, не будут мне указывать на якобы «мое» место в этом Мироздании! Только я сам!

И я начал сопротивляться, ожесточенно, упорно и сосредоточенно.

Настолько, что от самого дна бездонного провала воли Демиурга стало подниматься безжалостное и сокрушительное цунами моей ярости, внезапное и неожиданное для меня самого. И несло оно нечто непоправимое и неправильное. Я это знал, но остановить его было уже выше моих сил.

Падение прекратилось, подхваченный растущей волной, я поднимался все выше и выше, увлекаемый пенящимися на ее гребне бесшабашными бурунами злой радости и казалось, –

выплеснется она на коварно заманившего меня подлого хозяина, и станет все так, как должно. По моему! И только так всегда будет дальше! Это чувство грядущей мести пьянило и наполняло мое бестолковое до того существование истинным смыслом. Демиург – мой враг, и он будет повержен! И сойдет в Аид!

– Отрадно слышать! – донеслось из далека, из трех тысячелетнего прошлого. Демиург, внезапно и поспешно прикрыл веки, разрывая контакт. И попросил с ноткой паники в охрипшем голосе: – Не надо! Очень рекомендую, Ссессалахх, сдержитесь! Не надо! Потом пожалевте, но будет уже поздно!

В красной пелене, застилающей мои глаза, проклюнулась и разгорелась яркая оранжевая надпись:

«Внимание! Угроза смены полярности! Возможна потеря значений некоторых характеристик!»

Затем бегущей строкой проплыли кракозябры $\langle \text{###}\alpha\# \text{####} (C\bar{d}+xK^i+B/C_1) = 5 \rangle$

«Внимание! Нестандартная активация пассивного умения «Проклятие». Подтверждаете использование модифицированного «Проклятия Светоносца»?

И чекбокстик такой кастомный, вычурный, – словно страдающий ожирением туз пик под вопросом всплыл.

«Больше не спрашивать. Запомнить выбор. Да/Нет».

Как же мне хотелось выплеснуться этой убийственной волной! Хотя бы для того, чтобы освободиться, избавиться от нее навсегда. Я даже и представить себе не мог, что ношу в себе целый океан желчной ненависти и свинцовой мизантропической люти! Неужели он есть в каждом? Неужели все мы, НАСТОЛЬКО сильно друг друга ненавидим, тщательно скрывая истину за притворными улыбками? Или это только я такой?

Врешь, не возьмешь! Стоять! Назад, я сказал!

Огромным усилием воли я, выныривая из взгляда Демиурга, сдержал эту волну, сжал ее до размеров теннисного шарика, тщательно упрятав разбегающиеся буруны злорадства внутрь. Ну, и что теперь с ним делать?

Крепко его удерживая, я определил готовое к употреблению проклятие в один из свободных ячеек – слотов умений. Пускай полежит. Мало ли, может быть, еще понадобится, в другом, более приемлемом случае, для персонажа другой полярности.

Шарик пульсировал и метался по двумерному квадрату слота, пытаясь вырваться, но тонкая белая рамка, толщиной в один пиксель, надежно сдерживала его.

«Класс «Творец» подтвержден на 38,88%. Значение характеристики «Духовное Осмысление» изменено. Текущее значение: 0. Значение характеристики «Соответствие Логосу» изменено. Текущее значение: +. Значение характеристики «Подчинение Замыслу» изменено. Текущее значение: 0. Использование пассивного умения «Проклятие» приостановлено игроком. Текущее значение умения: | |».

Во как! На паузу, значит, поставил! Даже так можно? Надо заметить, странная реализация управления в этой игровой платформе. Как и весь корявый геймплей, в который превратилась моя привычная жизнь, начиная с момента, когда меня лишили созданного мною «Мира».

– Я вижу, Вы вполне властны над своей темной стороной, – задумчиво и облегченно произнес Демиург. – Да, Вы не так просты, как кажетесь на первый взгляд. И теперь я понимаю выбор высших сил. Что ж... Возможно, это и к лучшему! Мой октеракт потеряет всего лишь пяток миров, я надеюсь. И у меня получится не очень болезненно обрезать их связи с остальными. А вот Вам, придется стартовать с тем, что Вы сами и насозидали. Как говорится, – расхлебывать то, что заварили.

– Вы, о чем? – не понял я, отвлекаясь от созерцания интерфейса и смахивая сообщения в сторону. – Куда стартовать? Что расхлебывать?

– Все! – хлопнул себя по коленке Демиург. – Отныне: Земля, Та Суил, «Мир», Ассах, Грань, – проблема только, и единственно Ваша! И наполнение нового октеракта мирами, тоже лишь на Ваших плечах, Ссессалахх! И это решение высших сил – действительно мудрое! Отделить реальности с непомерно большой степенью виртуальности от стандартно материальных... Воистину, – мудро!

– Какой октеракт, какие миры, какая реальность – виртуальность? – возмутился я. – Не нужны они мне!

– Поздно! – с некоторым злорадным удовлетворением констатировал Демиург. – Думать надо было раньше, когда Вы весь этот бардак затевали! А теперь вместо того чтобы кусать локти, придется поработать в поте лица, по крайней мере, первые полторы тысячи лет!

– Да не хочу я! – снова отказался я, растерянно посмотрев на тихонько наблюдающих за нашим разговором Антона и Ксюшу. – У меня и так проблем выше головы!

– А придется, уважаемый! – остался непреклонен Демиург. – Отказаться, возможности нет! Они ничего не делают просто так, и если они выбрали для этого Вас, значит, к тому у них были свои резоны!

– А если я, все-таки откажусь? – поинтересовался я.

– Тогда готовьтесь к развоплощению! Вместе со всем, что вы насозидали, – сухо сообщил Демиург. – Каждый приносит пользу, будучи употреблен на своем месте, так у вас, кажется, говорил некий Козьма? И если от него на его месте толку нет, зачем ему вообще быть? Как и всем материализованным им фантазиям.

– И что же мне теперь делать, как собирать этот Ваш октеракт? – пригорюнился я, понимая, что мне снова не оставили выбора.

– Не мой, а теперь уже только Ваш! – не согласился Демиург, улыбаясь слегка злорадно. – Ваш, и только Ваш новый и неповторимый октеракт, коллега! Что же касается первых шагов, так и быть, подскажу! Сам однажды был на Вашем месте, тоже начинал с нуля.

Сочувственные взгляды Антона и Ксюши красноречиво говорили мне: «Что ж тут поде-лаешь, раз такие расклады? Берись за дело и ничего не бойся! Мы с тобой! Обязательно про-рвемся!»

Я чувствовал их искреннюю поддержку, но мне все равно было, мягко говоря, не по себе. Одно дело, создать нечто ранее никем невиданное и, тем не менее, понятное для тебя, пускай и легкомысленно, не задумываясь о возможных последствиях, а другое, – сознательно взвалить на себя, как мне казалось, непосильную ношу, с которой не понятно, как и поступать. И главное, – теперь никак нельзя накосячить! Ни в коем случае! От этого будут зависеть судьбы всех существ в моем кластере миров. А, зная себя, – я могу! Вот же! Сам себе устроил полный армагеддец! Не вздохнуть, ни пер... Ни представить, что же со всем этим делать!

– Самое первое, чем Вам стоит озаботиться, – поведал Демиург, – это найти место, где Вы сможете спокойно работать. Очень хорошо изолированное, и уединенное. Чтобы никто не мешал. И оно должно находиться на пересечении потоков, – энергетических, информаци-онных, в пределах ментального соприкосновения с эгрегорами миров Вашего кластера, вдали от сильных гравитационных воздействий. Именно оно и станет сердцем Вашего октеракта!

– А как же незаконченные дела? – поинтересовался я. – Все бросить к чертовой бабушке?

– Ни в коем случае! – воскликнул хозяин. – Придется поработать и за себя, и за того парня, которым Вы были еще вчера. И за бабушку!

Он усмехнулся, впрочем, уже без злорадства.

– Такова наша судьба! Сущностей, принятых в анклав класса «Творец», и предназначение разумных, поднявшихся до уровня «Демиург»! Все начатое доводить до конца, не взирая ни на что...

III

«Лишь мелкие люди вечно взвешивают, что следует уважать, а что – любить. Человек истинно большой души, не задумываясь, любит все, что достойно уважения».

Вовенарг Люк де Клапье.

Антон, Всеслав, Ксюша.

Земля. 2021г.

Мы стояли на крыше отцова дома, того, в котором раньше жила моя прабабушка. Он стоял на самой окраине города и отсюда, сверху, открывался изумительной красоты вид на горизонт, где Солнце уже клонилось к закату, спрятавшись наполовину за далекими кронами деревьев.

Чтобы не смущать неподготовленное население непривычным внешним видом, едва появившись в отцовой двушке, Ксюша приглушила шафран своей кожи и затемнила его до состояния обычного загара конца лета. Выглядела она теперь вообще неотразимо. И честно сказать, я сомневаюсь, что это преобразование будет привлекать меньше внимания случайных зрителей, особенно мужского пола. Что и подтвердилось при первом же выходе «в люди», – когда мы пошли прикупить ей чего-нибудь из одежды соответствующей данному времени. Встречные мужики едва себе шеи не посворачивали. Или это они, таким образом, на непривычную для здешних мест паранджу, реагировали? Так она ее, просто так на себя накинула, как накидку. Совершенно не азиатским макаром.

– Солнце уже почти село, – озвучил очевидное Всеслав, внимательно оглядывая небо с одиноким розовым облачком на юго-западе. – Что-то задерживается твой отец – молодец!

– Подождем еще немного! – попросила Ксюша. – Прилетит!

Мне, в общем-то, было совершенно все равно, появится дракон или нет. Даже и лучше бы, чтобы не прилетел. Нет, я ничего не имею против него, наоборот, – Шшлемхх Аинн мне симпатичен, но именно сейчас, с нашим вечным цейтнотом, он особенно не в тему. Всеслав и так в загоне, – везде надо успеть, все разрулить, а придется таскаться с ним по этому сонному провинциальному городку в поисках информации тринадцатилетней давности о какой-то неизвестной душевнобольной.

Так мы и простояли у парапета еще полчаса, провожая покрасневшее светило и наблюдая, как удлиняются и блекнут тени, поглощаемые сумерками, спешат по домам одинокие прохожие, а в окнах соседних домов зажигаются уютные огоньки.

Шшлемхх Аинн не прилетел.

Пока спускались вниз в квартиру, Ксюша расстроено вздыхала, а мы с Всеславом молчали. Не знаю, о чем размышлял он, а я обдумывал наши дальнейшие шаги. Точнее, свой следующий ход в продолжающейся чьей-то волей, навязанной нам, и пока не понятной мне игре. Я поймал себя на мысли, что мне совершенно все равно, использует меня кто-то для достижения своих целей в ней, или нет. Как и то, что это не мною начатая игра. Да, я мог отойти в сторонку и попытаться понаблюдать со стороны, ожидая, чем же все закончится, но так не интересно! Лучше бегать за мячом по полю, истекая потом и матерясь от усталости, тем не менее, имея шанс изменить ход игры, чем комфортно сидеть на скамейке запасных, каждую секунду матча лишь мечтая о таком шансе.

– Ну, что же. Одним вопросом меньше, – резюмировал Всеслав, когда мы расселись за кухонным столом, чтобы выпить чайку, – и одним, больше. Здесь нам делать пока нечего, и искать тут Мать Драконов мы не будем. Однако куда же подевался их Отец?

– Что-то ему помешало... – расстроено предположила Ксюша.

– Или, кто-то... – добавил я.

– Гадать, – толку мало, – Всеслав и не заметил, как в задумчивости хлебнул только что заваренных крутым кипятком чайных листьев. И даже не поморщился. – Что?

– Ты не обжегся? – решил удостовериться я, и тоже немного отпил из своей чашки. Ожидаемо, язык и небо обварились. – У-у!

Всеслав посмотрел странным взглядом на меня, затем на свою чашку, и одним глотком допил остаток чая.

– Нет! Кстати, без сахара, и именно при такой температуре, лучше открывается букет! Только теперь заметил! Близкой, к температуре кипения, понимаешь?

– Конечно, понимаю! – согласился я, языком сдирая лоскутки облезающей кожи во рту. – Чего же тут непонятного? Близкой, к температуре кипения... Интересно, что ты теперь еще умеешь?

– Мне самому интересно! – заверил он, наливая следующую чашку.

– Что мы будем делать дальше? – поинтересовалась Ксюша, не заметив никаких странностей в нашем разговоре.

– Мы с тобой отправляемся на Ассах! – сообщил Всеслав. – Познакомишь меня с дядей и Спектралиями. Мне необходимо изучить рунный язык, чтобы вытащить Пончика, да и вообще... Может быть, и в других вопросах знание его будет не лишним.

– А Ааштони? Он пойдет с нами?

– Нет! – расстроил ее Всеслав. – Он пойдет своим путем. Ему в Киев надо...

– А что ты собираешься со всем этим делать? – спросил я, изобразив руками шар, имея в виду октеракт, который Всеславу, якобы предстоит наполнять мирами.

– Делать? – он почесал в затылке. – Буду делать, что должен... И надеяться, что не получится, как всегда!

Он рассмеялся.

– Если по порядку, то – сначала Ассах, потом передам МЛМ Абибору, затем сделаю новый Личный Мир, – он на мгновение замолчал. – Пожалуй, нет! МЛМ я демону не отдам! Мне там нравится, да и Серегино шале, жалко! Надеюсь, в ходе посещения Ассах, я смогу синтезировать нечто новое из Сиселии и рунного языка, и значительно ускорить процесс создания обещанного ему Мира Темных Демонов. Сделаю что-то, типа каких-нибудь модулей, для сборки различных виртуальных вселенных.

– Мне всегда нравилось, как ты непринужденно рассуждаешь о высоких материях! – без желчи позавидовал я. – Миры, Вселенные... Мне это не дано! Как оно, – ощущать себя Творцом? Стать равным богам?

– Никак! – улыбаясь, сообщил Всеслав. – Каким богам? Я в них не верю, а значит, их нет! Есть только, как поведал нам Демиург, статическая точка неподъемной массы на одной стороне, и совершенное, ничем не отягощенное, невесомое чистое время на другой. И то, и другое мертво. А между ними – жизнь. И эта жизнь, – движение. Вот оно, -истинный бог! Оживляющий и преобразующий!

На секунду уйдя мыслями в себя, он продекламировал:

«Можно думать, что угодно,

право – слово, – все равно!

Новое – всегда свободно,

старое – обречено...

Лишь одно движенье – вечно.

Для него: расцвет, упадок, —

Равнозначны, скоротечны.

Только Хаос и Порядок, —

Сингулярности предтечи,

могут быть ему равны...

Их оно дитя, – не мы!»

– Красиво, но слишком заумно! – произнес из зала телевизор голосом Пончика. – Мне больше нравится Ксюшина легенда об Истинном Свете и Безупречной Пустоте!

– Пончик?! Ты как здесь?! – изумился Всеслав, вставая и направляясь в зал.

– Ваше Совершенство! – ехидно прозвучало в ответ. – Когда Вы соизволите меня отсюда вытащить, а? Или нимб через дверной косяк пройти не позволяет?

– А что, его уже видно? – не остался в долгу Всеслав. – То-то я и думаю, какая же это фигня мне голову к подушке прислонить не дает! А это нимб! Хорошо, хоть не рога! Не так обидно!

Пончик в ответ еще более ехидно промолчал.

Не смотря на всю неожиданность появления Пончика здесь, во времени Всеслава и желание его увидеть, Ксюша задержалась у древнего серванта, с благоговением рассматривая лежащий в нем за стеклом дверцы пятнадцатисантиметровый шестигранный кристалл дымчатого горного хрусталя с тонкой прожилкой золотого цвета, пересекающей тот по диагонали.

Я же пошел напрямиком к телевизионной панели. Что я, кварца не видел, что ли? Пончик помахал мне лапой, заодно цапнув когтями за морду одного из псов.

– Привет, братишка! Я домой хочу, к вам! – он отпрыгнул в сторону, почти в угол сорокапятидюймового экрана, пропуская мимо летящего на него другого пса. – Надоело тут, как идиотику прыгать! Или вы думаете, мне заняться больше нечем, кроме как таскаться за вами следом повсюду, да еще со всей этой недоделанной локацией?

– Потерпи немного! – попросил Всеслав. – С утра пораньше мы с Ксюшей отправимся к Спектралиям, – не на ночь же глядя нам туда идти!

– Знаю, как вы отправитесь! – Пончик забрался на близстоящую березу, судя по черточкам на коре, и устало прилег на ветку. – То чай гоняете, то сами по всем временам – реально-стям! Не напомни вам, снова куда-нибудь понесетесь, как угорелые, а мне или тут куковать, или снова вас по инфоследам искать! Не мог ты закольцевать время на час раньше? Так у меня была хотя бы возможность отдохнуть подольше! А тут, видишь?

Псы начали споро подрывать корни дерева, и оно стало крениться все больше и больше, пока окончательно не рухнуло. Пончик грациозно соскочил с клонящейся ветки, с противоположной стороны от собак.

– И вот так, уже второй день! – посетовал он. – Доколе, я вас спрашиваю? Доколе?

– Хочешь, я сейчас займусь и передвину время? – предложил Всеслав. – Пару – тройку часов потрачу, и все будет тип-топ! Только надо вернуться туда, в будущее, к Антону.

– Нет уж! – недовольно фыркнул Пончик. – Там два часа, там три! А в итоге я здесь еще год просижу! Идите вы, в Ассах! И прямо сейчас!

– Все, все, Спюнч! – Всеслав посмотрел на Ксюшу, та согласно кивнула. – Мы уже собираемся! Ксюша уже переодевается, и мы отправляемся! Прямо сейчас!

Ксюша молча, с выражением глубокого сожаления на лице, отправилась в спальню надеть свою парадную паранджу, которую зачем-то взяла с собой. Как чувствовала.

Она обернулась и кивнула, мол, да – чувствовала!

Я тоже ее прекрасно понимаю, причем безо всякой эмпатии. Ассиметричное платьице от Alexander McQueen, купленное по прибытию сюда в самом модном бутике города, однозначно наряднее и красивее. Как и стильные босоножки на платформе, с элегантными завязочками вокруг щиколоток от Salvatore Ferragamo. Да и сама Ксюша в этом наряде выглядит сногшибательно! Но появись она в таком наряде у себя дома, не поймут, как пить дать. Снова найдутся какие-нибудь дурацкие табу и законы, предписывающие, к примеру, закапывать нарушителей в песок голышом, или змеям на покусание бросать, вместе с крамольной одеждой. С них, драконьих детей, станется!

Собрались они минут за двадцать. Всеслав, на удивление, провозился дольше всех, выдвигая и задвигая ящики письменного стола, громыхая чем-то в кладовке, даже на балкон зачем-то выходил. Вернулся расстроенный.

– Да вот, соображаю, что взять в подарок Ксюшину дяде! С пустыми руками, неудобно как-то...

– Я видел, Ксюше очень понравился этот кварц! – я указал на кристалл, покрытый тонким слоем пыли. – Я уверен, Массишшим тоже будет в восторге!

Всеслав достал кристалл из-за стеклянной дверцы серванта, вынул носовичок из кармана и стер с него пыль.

– Прибраться бы тут, только времени, как всегда нет! И родителей навестить, тоже надо бы ... – он повернулся к люстре и поднял камень на уровень глаз. – Насколько я знаю, это довольно редкий экземпляр горного хрусталя. Практически чистый, всего лишь с одним небольшим замутнением в центре. Отец его нашел недалеко от Валькумея, на Чукотке, когда еще лейтенантом был. Думаешь, можно подарить? Не бедновато ли? Король, все-таки!

– Однозначно, можно! – заверил я. – Сам увидишь! Они там камень чуть ли не боготворят!

– Дядя будет просто счастлив! – подтвердила Ксюша, выходя из спальни в своей полупрозрачной лазурной накидке. – Я готова, Ссессалахх!

– Антоша! Давай, сверли еще одну дырку в континууме! – с напускной веселостью предложил Всеслав. Однако было видно, – ему не весело. – Энтропия нарастает слишком медленно! Будем увеличивать количество бардака во Вселенной! Шучу! Давай, давай, не задерживай процесс, вызывай свой портал! Вон, Пончик уже ждать устал! Да, пожалуйста, сообщи Сереге, что мы задержаться можем, не то волноваться будет...

Я кивнул, обнял Ксюшу, пожал улыбающемуся Всеславу на прощанье руку, достал из-под футболки галиотис, кольнул кончиком приготовленного кухонного ножа палец, капнул в раковину пару капель и произнес необходимые слова, сопроводив их начертанием в воздухе руны «Турисаз».

– Удачи! – искренне пожелал им, провожая в неярко переливающуюся фиолетовым рамку. – Удачи! Возвращайтесь поскорее!

Уже шагая на ту сторону, Ксюша послала мне воздушный поцелуй, я же, ответить не успел. К сожалению.

Портал бесшумно схлопнулся.

Я вернулся к телевизору.

– Мне пора! – сообщил Пончик и кивнул на толпу игроков на заднем плане, бесконечно добивающих босса. – Тяжело удерживать канал, вместе со всеми этими... Пока, братик!

Экран потух, и я остался совершенно один. Снова. Мне это ощущение очень не понравилось.

Побродил бесцельно по квартире, зашел на кухню, помыл чашки. Окна в соседней пятиэтажке почти все были темными, и ночь безразлично смотрела сквозь стекло на меня. Я пошел в спальню и присел на кровать. Покрывало хранило еще теплый отпечаток Ксюшиной попки. И тут на меня такая тоска накатила, хоть волком вой!

«Из окна я в зиму смотрю, —

Застыл мир за ним, остыл.

А бывало давно, по утру,

Из ладоней дождя я пил.

В душе, — лишь метели плач,

Пожалеть бы ее, — нет сил.

Я теперь, ее волей, — палач.

А ведь я милосерден был!

*Ты не стерпишь, беда – зима,
Сердца стынь, боль его огня,
Превратишься ты в лед сама, —
Посмотри, посмотри в меня!»*

Стоп! Хорош ныть! Ты чего это расклеился, а? У тебя дел по горло, некогда печалиться! Не желаешь сидеть в одиночестве, – шуруй с веселой командой поисковиков в Киев! Приглашают же, причем весьма настоятельно!

Так что, – ноги в руки и вперед!

Решено! Сейчас отправляюсь домой и звоню Диме, – не утром. Утром уже выдвигаться надо! Затем иду в «Мир», – Сергея предупредить, потом собираюсь и еще останется пара – тройка часов, на покемарить.

Так я и сделал. Выходя из портала в своей квартире, я почувствовал, как настроение улучшается.

Управился со всеми делами за три часа. Сергей, узнав о нашем предстоящем, возможно долгом отсутствии, стал допытываться, куда же мы собираемся отправиться, но не найдя в моем лице разговорчивого собеседника, отступился и просто пожелал удачи. Неплохой он все-таки мужик!

Перед тем как идти спать, просидел еще полтора часа, изучая историю киевских гор, нависающих над Подолом, и связанные с ними легенды. После Карелии, без подготовки я больше никуда не поеду! И уже практически засыпая, решил сходить на балкон, подышать ночной прохладой. Выходя, зацепился ногой за раскоряченную статую саламандры. Надо же, снова про нее забыл! Шштелльсси – то, здесь – и я не совсем один! Правда, какой с нее толк нынче? Даже мордой каменной в ногу не ткнется, напоминая, мол, пора бы и покормить! Стоит в уголке диковинным памятником, не шелохнется. Блин... Хотя...

Будь она не саламандрой, а обычной женщиной, – некоторые мужики, наверное, такой жене рады были бы до чертиков. Десяток слов сказала и все, превратилась в статую на недельку! Мечта!

На Киев выдвинулись только ближе к обеду. Пока все съехались, пока позубоскалили, радуясь встрече, пока выпили кофейку на дорожку...

И вот, наконец-то, – вновь наша арендованная «Нива – Арктика» с пневмодвигателем идет мягко, бесшумно и энергично подминая под себя одно за другим короткие тире дорожной разметки. Снова под колесами шоссе, теперь под номером Е-101.

Я уже и забыл, насколько люблю просто ехать куда-то! Проносящиеся за окном пейзажи, остановки в придорожных кафе, неторопливые разговоры ни о чем... Все мое существо ликovalo, радуясь солнечному дню, хорошей дороге, отсутствию всевозможных нерешенных проблем. Именно сейчас – я просто еду! Как же мне всего этого не хватало!

Кайф!

Проносятся за окном лесопосадки, стихийные рынки с полусонными кумушками за грубо сколоченными торговыми прилавками, справа солнышко радуется чистому небу, над дорогой облака зарождаются, а слева вдалеке из низких туч по нитям дождя молнии водоохранилище хлещут вспыхивающими сиреневым плетями, словно Марфутина семихвостка Фролову задницу. Тьфу ты! Ну и сравнение пришло в голову!

Кстати!

– Акваланги взяли? – отвлекшись от созерцания пейзажа, между делом поинтересовался я.

Дима даже хрюкнул от неожиданности.

– Ты опять за свое? Хватит! Я до сих пор помню, как мы с ними по Воттовааре носились, словно дурни с писаной торбой! Там-то они зачем?

– Мало ли, куда нам залезть доведется? – предположил я. – Вдруг потоп? А мы без аква-лангов!

– Киев на горах стоит! – сообщил мне он.

– А Подол – то, внизу! – не согласился я, улыбаясь. – У Днепра! А если, цунами?

– Тьфу на тебя! – рассмеялся Дима. – Подол выше уровня реки на тридцать метров! Так что расслабься!

В общем, за разговорами потихоньку и доехали. Останавливались всего раз, после Брянска. Поужинали в кафе «Партизанская засада» на повороте на Бяково, хозяином которого оказался Димин друг – поисковик из Брянской «Славы Отцов». А ничего так Миха, зачетную точку общепита замутил!

Дорожки из пиленого дерева. Небольшая трибуна у площадки, которую окружают едва приметные землянки. Колодец, умывальники и сортиры на улице чуть поодаль, – не знаю, что там внутри, но трубы вентиляции торчат и электричество подведено. Тарелка громкоговорителя на сосне сводку информбюро вещает. Коновязь в сторонке с одинокой лошадкой в стойле, и темно-зеленый мотоцикл с коляской, на которой закреплена турель для пулемета, позади. У длинного стола с вкопанными в землю лавками, печь, сделанная из топливной бочки. На ней что-то варится, а рядом на мангале шашлык аппетитным дымком исходит. И еще одна бочка у стола, дубовая, с дождевой водой. И везде обилие цветов в объемистых долбленых древесных стволах, вместо клумб. Не знаю, насколько это соответствует исторической действительности, но красота!

Еду подают прямо в землянки, аутентичные такие, из сосновых бревен, закопаченных мхом, с покрытием из лапника, и грубым брезентом на входе. Внутри мебель вся ручной работы. По-моему, при ее изготовлении ничего, кроме топора не использовали. Электролампы светят ненавязчиво из скрытых ниш, и керосинка из старой снарядной гильзы сделанная легонечко на стенке, на полочке чадит. ППШ рядом висит, и портрет Сталина наличествует, да граммофон тихонько на грубом табурете в уголке дребезжит голосом Павла Михайлова: «Утомленное Солнце, нежно с морем прощалось...»

Впечатляет!

Солдатская пшенка с тушенкой, луком, морковью и шкварками, оказалась выше всяческих похвал! Шашлык, – само собою, без вопросов. Предлагали нам и самогон двойного перегона, но куда нам, разве можно? Еще ехать и ехать! Ограничились компотом из сухофруктов, – у местных он называется «взвар».

Уже выходя из землянки, я вспомнил историю услышанной песни. В Инете когда-то попала, а теперь всплыла в памяти. Другой такой, столько раз перепеваемой, я не знаю.

В Киев приехали уже за полночь, но ребята нас ждали. Как не трудно догадаться, еще одни друзья Димы: Саня и Тамара, конечно же, из киевских поисковиков. У них тут вообще целых семь клубов. Оно и понятно, уж с историей этой-то древней славянской земли всем работенки хватает.

– Что ищете? – поинтересовался Саня. – В каких местах?

– Знать бы... – неопределенно протянул Дима, покосившись на меня. – Пока не совсем ясно! Но до завтра, надеюсь, определимся!

Я в подтверждение кивнул.

– Понятно! – не стал настаивать тот. – Определяйтесь! Если что, – звони! Подскочу!

Они выделили нам квартиру своих родителей, пустующую на Русановке, пока те обитают на даче, где-то аж за Березанью. В ней мы и устроились досыпать остаток ночи, предварительно заморив червячка.

Не успел я, как мне показалось и голову к подушке прислонить, уже трясут.

– Да проснись же ты! – разбудил меня возбужденный шепот Димы. – Антон, твою кочерыжку! Просыпайся! Дело есть!

– До утра не подождет твое дело? – недовольно пробурчал я.

– Не подождет. У нее мало времени!

– У кого? – спросонья не догадался я, о ком он говорит.

– У Аксиньи! – сообщил товарищ. – Одевайся и приходи на кухню! В темпе!

Я вылез из-под одеяла, натянул спортивки и прошлепал на кухню вслед за другом.

Там в уголке, на старой ободранной табуретке, царственно восседала, иначе и не скажешь, настоящая славянская богиня. Чем-то похожая на Прию, виденную мною на Воттовааре, только русоволосая. Дима не капельки не соврал, описывая мне таинственную вепскую ведунью с придыханием и блеском в глазах. Ее красота была естественной и натуральной, без самого мизера косметики. Особенно меня поразили ее глаза: миндалевидные, насыщенного цианового цвета, яркие и завораживающие. Она улыбнулась коротко, и мне показалось – вся маленькая кухонька осветилась на мгновение, и все вокруг, даже сверкнувший ответной улыбкой чайник на плите, на это самое мгновение стали счастливы. В том числе и я.

Очень захотелось, чтобы она улыбалась постоянно. Теперь я друга прекрасно понимаю. Стоит вон бедняга, застыл соляным столбом в дверном проеме, с восторженной ухмылкой имбицила. Какая, после такой дозы чистой эйфории, к чертям собачьим, Любаша, а?

Я стер со своего лица выражение, вероятно полностью идентичное Диминому и слегка поклонился. С ведуньей мы знакомы не были, так, парой слов по смартуотчу перекинулись, когда она Петлю Свентовида из общей кучи найденных нами сокровищ забирала.

– Здравствуйте, уважаемая Аксинья!

– И Вы будьте здоровы, Антон, свет Всеславович! – прожурчал ручеек ее голоса. Она всего лишь благосклонно кивнула, а мне захотелось прыгать от радости. Да что же это такое? Ладно бы первый раз, так нет! Похоже, подобная реакция при появлении красивой девушки у меня превращается в рефлекс. То же самое было, когда я с Ксюшей познакомился. Хотелось наизнанку вывернуться, лишь бы ей понравиться.

Стоп парнишка, тормоза! Не то Димон еще приревнует, сдуру. Как потом вместе работать? Да и не нужна она мне вовсе, если честно. А реакция? Самая обычная реакция истинного ценителя на безусловную красоту. Вот и все!

– Что нужно делать? – сухо поинтересовался я, присаживаясь на табурет, напротив.

Она снова улыбнулась, так же коротко. В этот раз на меня почти не подействовало.

– Отцу Боли, – ничего! – сообщила она. – Если я сейчас говорю с ним. Кто ты, сидящий передо мною?

Меня поразило, даже не сам вопрос, хотя источник ее осведомленности о моих игровых статусах тоже был интересен, а ее напряженная поза и невозможные глаза, моментально поменявшие окрас на цвет штормовой морской волны, и зрачки, превратившиеся в сверла.

– Я, – всего лишь Антон, – заверил я. – Им и останусь!

Она вновь коротко улыбнулась и расслабилась.

– Тогда, – то же самое, что и раньше. Слушать, смотреть, идти и находить! – сообщила она, и непринужденно закинув ногу на ногу, не взирая на узость шитого бисером серого сарафана, стала покачивать квадратным носком рыжего, с небольшим каблучком, полусапожка со шнуровкой.

– Зачем? – поинтересовался я, вдруг понимая, что сейчас, – она никакая не страшная Иерарха, а просто еще одна обычная новая знакомая девушка. Двадцати пяти, пятьсот, или пяти тысячелетнего возраста, – это вопрос следующий, какая разница? И ей от меня чего-то надо. Я расслабился и оперся спиной о кухонную стенку. – Зачем вам все эти артефакты? Сапфиры, цепи, скипетры, корона, которую мы утопили до лучших времен? Что там еще? Скипетром же не закончится?

В этот раз ее улыбка была широкой и без всяческих контекстных посылов. Взгляд потеплел.

– Приятно иметь дело с умными и наблюдательными людьми, Антон!

Я выжидающе посмотрел на нее и промолчал. Через полминуты она не выдержала.

– Еще для фиксации квантового состояния привычной для нас реальности и стабилизации ее в прежних рамках, когда возможно управление геологическими, метеорологическими и приорбитальными процессами Земли, и контроля прилегающего пространства, нам понадобятся все артефакты Апполота Митридата, – сообщила она, выжидательно прищурившись. – Не того, чье имя носит лестница в Керчи, их, малоазиатских, как собак нерезанных, – а другого, первого из Митридатов – Апполота Гиперборейского.

Весь ее ветхозаветный говор куда-то пропал. Передо мною сидела современная, образованная, умная молодая женщина. Теперь она ждала моих вопросов, скрестив руки под высокой грудью и продолжая мерно покачивать носком полусапожка. Дима, как прилип к дверному косяку, так и стоял там, по-прежнему глупо улыбаясь. Только глазами стрелял, то в меня, то в Аксинью.

Закономерного вопроса, мол, что за артефакты такие, она от меня так и не дождалась. Вместо этого я поинтересовался:

– Зачем они вам теперь? Когда непонятно, какое состояние и для какой реальности фиксировать? Насколько я понимаю, Земля как бы теперь сама по себе. Ее взаимосвязи почти со всеми другими мирами октеракта обрезаны, да и октеракта, как такового, теперь тоже нет!

Аксинья едва не подпрыгнула на табурете, моментально потеряв все свое божественное очарование, внезапно превратившись в обычную озабоченную девушку. Ну, не совсем обычную... В очень красивую, надо признать.

– Откуда информация?

– Из самых первых рук! – сообщил я доверительно. – От самого Демиурга!

– Ёхан – бохан! – шлепнула себя по бедру ведунья. – Это точно? Он сам так сказал?

– Ага... – пожал плечами я. – А что, вы еще не в курсе нововведений?

– Выпить есть? – вместо ответа спросила она и посмотрела на улыбающегося Диму, затем сделала ему какой-то знак пальчиками. Тот, не прекращая глупо лыбиться, отлип от дверного косяка и молча пошел в зал. Оттуда донесся негромкий перестук и перезвон. Через минуту он вернулся, неся в руке бутылку турецкой раки. Поставил на стол и удалился, аккуратно прикрыв за собою дверь.

Тенденция у них там наверху, однако. Чуть что, – сразу выпить! И Демиург не пропустит случая, и она, да и Менатрос – Хранитель Равновесия, по словам Всеслава, тоже любитель. Ну и ладно, каждый снимает стресс по-своему.

Аксинья поднялась с табурета и, открыв холодильник, достала пластиковую бутылку «Оболонской» воды с газом. В шкафчике над раковиной нашла два высоких стакана и села обратно на табурет. Поставила один стакан передо мною, а во второй налила сначала на треть минералки, а затем, еще на треть, раки. Жидкость моментально молочно помутнела. Она сдвинула по столу минералку и бутылку со спиртовой настойкой пектусина (с детства вкус аниса, ассоциируется у меня с этим лекарством от кашля), ко мне.

Я налил себе только минералки.

Она одним глотком осушила половину стакана. Выдохнула, поискала, чем закусить и, не найдя, взяла минералку и хлебнула прямо из горлышка.

– Возьми сыр в холодильнике! – попросила она, по моему примеру прислоняясь к стенке и снова закидывая ногу на ногу, и подтягивая подол узкого платья чуть выше точеных коленок. В этот раз она одной ногой обвила другую. У меня, такая вот дуля из ног, не получилось бы ни за что. – Вроде, видела его там...

Я молча достал сыр, нарезал, положил на блюде и поставил перед ней.

Она взяла кусочек, допила остаток аперитива и, положив сыр в рот, принялась задумчиво жевать, уставившись в одну точку, став при этом окончательно похожей на обычную студентку с проблемами.

Таких девчонок, запивающих плохие новости алкоголем по поводу проваленной сессии, парня – козла, залета на аборт, я знал, и даже пару раз довелось подушкой для их слез побывать. Толку только от такого сочувствия! Соплями измажут тебя, а любовь – морковь с обидчиками продолжают крутить. А вот Иерархинь, реагирующих на плохие новости аналогично, – нет, видеть не приходилось.

Вот и увидел. И теперь я знаю, что они тоже люди. Не смотря на топлевел, я имею в виду в плане личного развития. И это хорошо. Всеслав, наверное, тоже останется таким, как был, я надеюсь. Не хотелось бы, чтобы он дистанционировался от нас. Или спился...

– Кого Высшие выбрали Демиургом нашей сакуалы? – судя по выражению лица, она наконец-то пришла к каким-то своим выводам, и они ее обнадежили. Вопреки надетой маске решительности, улыбнулась она все-таки, как-то робко. – Ну, кластера, в смысле. Ты знаешь?

Я кивнул.

– Его имя! – тут же потребовала ведунья. – Он из Светлых или Темных?

– Я думаю, светлый, – предположил я. Как-то и в голову не пришло поинтересоваться. Вроде как, само собой разумеется. – А зовут его Всеслав.

– Как-то простовато, для Демиурга, – скептически хмыкнула Аксинья. – Хотя... Если он славянин, тогда все правильно: «всех славней», в смысле, – самый славный, среди самых-самых! А это его единственное имя? Откуда он взялся? Не знаешь?

Мне так и захотелось брякнуть нечто типа – «мама родила», или – «от верблюда». К чему эти расспросы? Однако я сдержался.

– Вас что, и в известность не поставили? – вопросом на вопрос ответил я, недоумевая. – Или действующий Демиург пошутил? Уж кто-кто, а Иерархи должны быть в курсе перемен такого масштаба! Или я не прав?

Ведунья заметно смутилась.

– Энергоинформационное поле Земли по каким-то причинам недоступно нам уже два дня! – нехотя призналась она, рассеянно смешивая себе вторую порцию пектусина. – А без него мы словно слепые без поводья. Сидим отрезанные от всего мира, уподобившись медведям, каждый в своей берлоге, и даже пообщаться, не получается, – мыслесвязь тоже не работает!

– Ну, причины-то этого понятны, – старый октеракт распадается! – сообщил я давно известный мне факт. – А вдобавок, отрезанные пять миров становятся самостоятельными и образуют костяк нового. Наверное, из-за этого...

– Мне надо срочно встретиться с новым Демиургом! – решительным тоном сообщила ведунья и вдруг загрустила. – Знать бы еще, где его искать...

– Тоже мне, секрет Полишинеля! – усмехнулся я. – Он на Ассах, с тамошним правителем знакомится.

– Где эта Ассах? – подозрительно прищурилась она. – И откуда тебе это известно? Ты знаком с новым Демиургом?

– Ассах – в соседнем рукаве нашей галактики, – начал добросовестно, по порядку отвечать я, – а с Ссессалаххом, – это второе, приобретенное имя Всеслава, я вроде как знаком, – он мой отец. Ты же знаешь, что я – Всеславович!

– Я и предположить не могла! Всеслав – Ссессалахх? И он – твой отец?! – почему-то не на шутку обеспокоилась Аксинья, одновременно расплетая ноги и подбираясь, словно почуяв опасность. – Вот же, ёхан – бохан, надо же было так вляпаться, а? Умный учится на своих ошибках, а я второй раз на грабли наступаю! Вот же! А у тебя есть еще имена?

– А ты разве не отслеживала досье тех, кому поручала столь важные для тебя миссии? – не поверил я.

– Необходимости не было! – огрызнулась она. – Вы у меня и так, словно на ладони были! А теперь, – говорю же, инфополе пропало!

– В «Мире» меня зовут Кирант, – спокойно признался я. А что? Тайна, что ли за семью печатями? В истинные имена, которые якобы дают власть, кому не попадая тобою управлять, я не верю. – А на Ассах, меня знают, как Ааштони...

Теперь она смотрела на меня вообще враждебно, и в то же время, с каким-то отблеском застарелого страха во взгляде.

– Как же я не сопоставила! Всеслав – «всех славней», Ссессалахх, и Сесалах Мерекапунья, – «самый лучший»! Это он!

– Наверное, ты его с кем-то путаешь! – прервал я поток ее домыслов, основанных на игре слов непривычного нам звучания и вспоминая, что первое наше общение она закончила санскритским словом «праха», – «до свидания». – Причем тут какой-то Мерекапунья?

– Не стоит меня недооценивать! – предупредила ведунья, делая ограждающий пас рукой. – А еще ты, – Отец Боли! У Сесалаха тоже был сын, Ash Ston Ny – Каменный Пепел, по прозвищу Kiranot – «Не угадал», садист еще тот! Таких совпадений просто не бывает! – она снова оградилась ладонью от меня, однако что-то у нее вновь не получилось, и она недоуменно посмотрела на свои руки. Повторила движение. И расстроилась еще больше.

– Вы и ману заблокировали! – со слезами в голосе обвинила она меня. – А говоришь, не Мерекапунья! Только он так долго может меня преследовать и быть настолько мстительным, чтобы спустя все эти годы, подослать ко мне своего сына и свершить retribusī – возмездие за то, что я отказалась удовлетворить его низменные желания!

На ее глаза навернулись слезы.

Когда я говорил, что Иерархи тоже люди, я не имел в виду, что настолько. Роль заплаканной подушки мне не понравилась еще в предыдущие разы, и закреплять этот опыт у меня не было ни малейшего желания.

– Успокойся, пожалуйста! Давай выпьем, расслабимся! – я пододвинул к ней так и не тронутый стакан приготовленного ею мутного напитка, и только потом до меня дошла двусмысленность сказанного. – Я не про то...

– Ты хотел сказать: «Пей, и тухни»? – еще больше напряглась ведунья. – Не дождетесь! Я и без маны кое-чего могу!

– Тьфу ты! – не выдержал я. – Да не нужна ты никому! Нет, конечно, кому-то нужна, но не нам! Блин! И нам тоже нужна, но не в качестве объекта мести или домогательств! И Всеслав – не Перкапунья, никакой! Он – нормальный человек! Совсем не тот, которого ты опасешься! Я вас познакомлю, и я уверен, – вы подружитесь! Елки – палки, ну каким языком тебе еще объяснить? На санскрите?

– А ты можешь? – не поверила она.

Я отрицательно покачал головой. Ведунья грустно вздохнула.

– Сколько ему биологических лет? – через минуту сменила тему она, видимо этот вопрос ее интересовал не на шутку. – Ты знаешь?

– Конечно! – заверил я. – Ему на два года больше чем мне, значит, двадцать восемь!

– Вы тут чего курили? – она подозрительно повела носом. – Или колесами баловались? Или меня совсем за чокнутую держите? Ты хочешь, чтобы я поверила, что Высшие назначили Демиургом малолетку? Ваша разница в возрасте для меня роли не играет, – всякое бывает. Но чтобы в двадцать восемь ему доверили собирать собственный октеракт! Не смеши меня!

– Это тебе сами Высшие сказали? – поинтересовался я саркастически. – А что у вас в таком возрасте можно? Мелочь по карманам тырить? А, нет, простите! Высокие моральные принципы! До пятисот лет нужно в песочнице играть, пасочки из песчинок выкладывая, развивая терпение и усидчивость! Потом еще до тысячи обуздывать свое либидо, перенаправляя

кундалини из Свадхистаны в Манипуру и Анахату, затем еще какой-нибудь ерундой страдать, а уже к двум тысячам, наверное, можно и делом заняться, да?

– Ну, как-то так! – согласилась Акси́нья, начиная потихоньку успокаиваться. – Не нами заведено, не нам и отменять!

Она устало оперлась на стену, снова закидывая ногу на ногу, и отпивая из стакана.

– Значит, не он, говоришь?

– Не – а! – подтвердил я, внезапно почувствовав к ведунье искреннюю симпатию. – Точно, не он! Все твои предположения и совпадения притянуты за уши!

Она, все еще недоверчиво покачала головой.

– Ты мне лучше вот что скажи! Зачем нужны были все эти артефакты? – поинтересовался я. – Что в них такого?

– Знаешь ли, в сложившейся ситуации, необходимость в них только возросла! – поставила она меня в известность, задумчиво пережевывая кусочек сыра. И видя мое непонимание, добавила: – Раньше, пока Земля занимала свое привычное место среди других миров в октеракте, надежно сдерживаемая взаимосвязями, насущная необходимость использования артефактов Апполота была вопросом неопределенного будущего, а теперь, когда она ими не удерживается, – стала настоящей потребностью. А что в них такого? Да все!

Хорошо, я расскажу! Как там сказано? «Имеющий уши...» Да, справедливо! Хочешь знать, – так слушай!

Она сменила ногу, покачала носком рыжего полусапожка, отхлебнула еще глоток раки, чему-то усмехнулась, и предупредила:

– Воспринимай эту легенду как сказано в присказке: «Сказка – ложь, да в ней намек»!

IV

«Ненавижу болтовню про равенство. Единственное, в чем люди равны, так это в том, что все они когда-нибудь умрут».

Боб Дилан.

Рассказ Аксиньи.

«Царь Гипербореи, Высокий Деспозин Аполлот Митридат, стоял у резного парапета ограждающего круговой балкон, опоясывающий царские покои. С высоты птичьего полета, на которую возвышались изящные дворцовые здания, открывался вид на далекий горизонт, где застыл не заходящий в эту пору года высокий Ра и ласкаемые его лучами изумрудно – сапфировые воды Гиперборейского моря. Тепло и чистого, пенящегося игривыми барашками волн, ласково лижущих пирсы торгового порта у подножья горы и высокие борта стоящих в нем красавцев – кораблей.

Если обойти по кругу или выйти на балкон с другой стороны покоев, откроется не менее величественная картина: великолепный и праздничный город, над которым то и дело проносятся стремительные летающие машины. По ровным аккуратным дорогам делового и административного центра, расположенного у самого подножья горы под царским дворцом, спешат по своим неотложным делам юркие и грациозные мобили. Жилые районы, соединенные веером улиц с дорожным кольцом, окружающим Мать – Меру, утопают в зелени парков, освежаемых радужными струями фонтанов. Там повсюду звучит веселый детский смех. Город – трудолюбивый, город – интеллигент, многоголосый и купающийся в своем достатке.

Но не до веселья царю. Он сосредоточенно размышлял о последних событиях минувшей ночи, стоившей ему первых седых волос и добавивших ранних морщин у жестко очерченных губ.

Произошел очередной, уже пятый, самый сильный толчок, от которого некоторые здания города покрылись длинными уродливыми трещинами. Даже непоколебимый дворец, построенный и облицованный полированным долеритом, стонал и гудел от натуги, пытаясь удержаться на скальном основании Горы – Матери.

Прежде такого не случалось. Не случалось до самого восшествия Аполлота на престол. И это плохой знак для него. С того дня, когда первые признаки катастрофы стали очевидностью, едва ли прошел месяц. А теперь Гора Меру сотрясается с необъяснимой периодичностью и грозит сбросить Вечный Алмазный Город в воды моря, оборвав многотысячелетнюю историю Гиперборейского Царства. И то же самое происходит на всех островах архипелага.

Он признался себе, что боится. Боится потерять все, созданное предками и переданное ему во владение. Никогда деспозину не было так страшно. Даже в тот день, когда они с отцом прибыли на подводном корабле к владениям водами Эартресс посеидонцам и спустились в самую глубокую впадину далекого от Меру темного океана, чтобы продлить мирный договор.

В тот раз его напугал молодой любопытный обитатель подводного мира, слишком близко подплывший к воздушному пузырю, в котором они опускались на дно к дворцу Повелителя Морей. До сих пор Аполлот не может забыть стыд липкого пота и стук крови в висках, когда тот белесой стремительной тенью метнулся к тонкой и, казалось, такой хрупкой оболочке пузыря и приник к ней, жадно глядя в диковинных посетителей с поверхности.

Он хорошо запомнил, и белое, слегка одутловатое лицо подводного жителя с немигающими выпуклыми рыбьими глазами, и руки с перепонками между тонкими длинными пальцами, и грозные шипы радужного наспинного плавника...

Все это с того момента, вызывает в нем тошноту и омерзение. Да и само бескрайнее море, теперь не кажется ему ласковым и волшебным, и не манит вдаль, как это было в далеком детстве. Теперь он знает – его глубины кишат монстрами.

Апполот с содроганием вспомнил, что до сих пор так и не собрался посетить Повелителя Морей, чего до него не позволял себе ни один царь, взошедший на престол Гипербореи. Только недавно, чуть меньше месяца назад, он все-таки решил вместо себя с визитом вежливости отправить своего Главного Жреца. Теперь его нежеланию спускаться в пучину, хотя бы было приличное оправдание. Привычный мир рушился. И, возможно, у них там, у берегов Атлантиды, происходило то же самое.

Апполот, не переставая хмуриться, едва не сплюнул вниз, но удержался, проглотил вязкую слюну. Беспечные городские жители не при чем. Они свято верят в его царскую, дарованную богами власть и силу, пожалованную его династии самим Ра.

Лучшие умы Гипербореи бились над внезапно появившейся проблемой, и Ученый Совет заседал непрестанно, но пока результаты не радовали. Их попросту не было.

На входе в покои разлилась негромкая чистая трель хрустального колокольчика. Апполот вздрогнул и глубоко вздохнул, отпуская невеселые мысли, взглянул на горизонт и зябко поежился от слабого дуновения теплого морского ветерка. Пришел Мармакан, его бессменный дворецкий с детских лет. Только ему дозволено беспокоить царя, когда тот в раздумьях.

– Входи! – крикнул он, направляясь в покои, где стоял малый трон для приемов. Негоже царю разговаривать с подданными стоя, даже с теми, кто вырастил тебя с пеленок.

– Позволь говорить, Государь! – с поклоном обратился к нему дворецкий, звонким, не смотря на преклонный возраст голосом.

Апполот с достоинством кивнул, поудобнее устраиваясь на троне.

– Мерритот Аксиагност, ваш Главный Ученый, – уточнил Мармакан, – просит принять его!

– Я знаю, кто он! – недовольно поморщившись, заметил царь.

Дворецкий с непроницаемым лицом выслушал замечание Государя. Хотя весь вид его говорил: «я это уже слышал сто раз, но таков порядок!»

– Ладно, – хмуро улыбнулся Апполот, – зови! Может быть, он пришел сообщить, что сегодня у меня счастливый день?

Дворецкий вышел, а в открытую дверь, энергично, с полуулыбкой на лице, вошел Аксиагност, – высокий и светловолосый, по атлетической фигуре которого невозможно было предположить, что тот проводит дни и ночи, корпя над заумными научными трактатами.

– Хорошие новости, мой Государь! – радостно сообщил он, едва войдя в специально обозначенный Круг Обращения, и поклонившись. – Мы, наконец-то нашли причину!

– Говори! – оживился царь.

– Мой Государь! Разрешите мне начать с глубокой истории? А затем я перейду к физике процесса и техническим вопросам?

– Ты сказал, вы нашли причину! – неожиданно для себя вспылел Апполот. Зарождающаяся надежда на то, что все закончится хорошо, моментально утонула. Настроение, камнем рухнуло в самую бездонную впадину Темного Океана. – Назови мне ее! Причем тут история и всякие технические подробности?!

– Тогда мне придется все рассказывать с конца, мой Государь! – принимая на себя его гнев, возразил ученый. – И без технических деталей не обойтись, – именно там находится разгадка!

Царь несколько долгих мгновений буравил его взглядом, но в конце концов, сдался.

– Говори!

Аксиагност повел широкими плечами, будто сбрасывая с них невидимый, но осязаемый гнет гнева Государя.

– Наша официальная история, – неправда! Она – всего лишь набор красивых мифов, которые не имеют с настоящим ходом событий ничего общего! – сходу ошарашил он царя.

– Как так? – не понял тот. – Что ты хочешь этим сказать? Все, что происходило, на самом деле, происходило не так? И наш народ создал не Ра – Отец? Ты понимаешь, что говоришь? А если это услышит Главный Жрец? Ты играешь с огнем, Аксиягност! Объяснись!

– Вся наша история, записанная в учебниках, – хорошо склеенный набор сказок! – упрямо, глядя прямо царю в глаза, повторил ученый.

– И как же, по-твоему, все было в действительности? – язвительно поинтересовался Апполот, ощущая, как холодная струйка пота начинает прокладывать дорожку между лопаток. И в то же время, ему почему-то вдруг стало весело. Он улыбнулся. – Может быть, первый гипербореец самозародился в океане, как считают посейдонцы, или, упаси Ра, развился из горной обезьяны, как верят в то в Лемурии? Поэтому мы так с ними похожи?

И в голос рассмеялся.

Аксиягност с бесстрастным выражением лица ожидал, пока царь успокоится.

– Ну, ответь мне! – отсмеявшись, указал тот на ученого пальцем. – Твои предки были обезьянами, а, Аксиягност? Мои, – я уверен, нет!

– Наши предки и мои, и Ваши, пришли с другой планеты! – огорошил он Апполота еще раз и начал быстро – быстро говорить, опасаясь не успеть высказаться: – Та планета называлась Фаэтон! Наши предки покинули ее незадолго до ее гибели! И переселились сюда! Как и упомянутые Вами Лемурийцы и Посейдонцы, но те, переселились позже и с других планет! Все мы – всего лишь переселенцы! И у меня есть тому неоспоримые доказательства! И это, не только найденные мною артефакты, – устройства для записи информации, содержание которых мне удалось расшифровать, но и то, на что все обычно не обращают никакого внимания!

Мой Государь! Откуда у нас летающие машины, мобили, корабли и прочая техника? Если мы их не делаем? И запчасти для нее, – ведь мы даже не знаем, что нам нужно, чтобы их производить! Мы научились только ремонтировать то, что есть, как говорится, методом тыка. Да, она работает не известно сколько, вероятно, уже сотни лет, и ремонт ее возможен, но только в том случае, если у нас есть аналогичный аппарат, получивший критические повреждения! Мы их разбираем и ремонтируем те устройства, которые еще можно восстановить! И их, конечно же, становится все меньше и меньше! И меня удручает эта ситуация!

А под ногами у нас, должен Вам сказать, и того больше! Скажите, откуда это все?

Дыхание у него закончилось, и он замолк, глотая воздух, ожидая слов Апполота.

Тот молчал, перебарывая сказанное главой Ученого Совета.

А действительно, откуда? Никогда ему в голову не приходил этот простой вопрос. Техника в Гиперборее была всегда. Как воздух, как вода. Как свет Ра. Понятно, что ее оставили предки. Но, откуда она у них? Значит, умели они ее когда-то делать? Или, и правда, – привезли с далекой погибшей Родины, и все мы тут пришлые? Чужие, постепенно деградирующие колонизаторы?

– Я слушаю! – заинтересованный Апполот, разрешил ученому говорить дальше. – Начни с начала! С самого исхода нашего народа из, как ты его назвал? С Фаэтона?

– Да, мой Государь! – подтвердил Аксиягност и, сделав подходящее моменту выражение лица, стал декламировать с пафосом:

– Фаэтон умирал. Планеты, они как люди, – их жизненный цикл не вечен! Он страдал, сотрясаемый катаклизмами, сжигаемый все сильнее разгорающимся внутренним огнем, и терпел. Терпел, давая возможность взлелеянной им цивилизации найти себе новый дом!

У предков были не только те машины, которые мы видим сейчас, – все, что мы имеем, всего лишь жалкое подобие технического многообразия цивилизации планеты – прародительницы! Их огромные, берущие на борт по миллиону человек корабли, летали к самим звездам!

Кто мы, в сравнении с ними? Песчинки в пустыне времени? Или только их тень?

– И... – сбился он с возвышенного тона, моментально растеряв весь пиетет. – Э-э... Да.

– Разведчики предков побывали на всех соседних планетах, – собравшись с мыслями, продолжил он, – пытаясь найти для своего народа новое место жительства. Но, марсиане – Лемуры, категорически, вплоть до объявления войны, отказались их принимать, хотя, возможно это был бы самый лучший вариант для обеих рас!

Венера, – та сама страдала, вследствие активации своих до недавних пор молчавших вулканов, послуживших причиной качественного изменения атмосферных осадков, которые не только убивали посеядонцев, но и все живое вокруг. Они также способствовали повышению температуры планеты. Вместо обычного дождя с неба стала литься серная кислота. Жить там стало невозможно.

– Когда предки высадились на Эартресс, та была также не пригодной для жизни. Температура на поверхности достигала двухсот градусов, часть ее была залита потоками лавы, изливающимися из постоянно действующих вулканов. Атмосфера, пригодная для дыхания и вода, отсутствовали полностью. При такой высокой температуре та не существовала даже в состоянии пара. Но из близких планет, оставалась только эта планета. Третья планета от Солнца. Были отправлены экспедиции и к ближайшим звездным системам, но скорее всего никто не рассчитывал, что они успеют найти хотя бы одну экзопланету, мало-мальски пригодную для проживания.

Поэтому правители на Фаэтоне, не веря в успех, тем не менее, решили принять один из планов Ученого Совета, в котором предлагалось охладить и терраформировать Эартресс, как рабочий проект...

Разведчики провели все необходимые исследования. Положение виделось совершенно неблагоприятным для колонизации. Однако ситуация на Фаэтоне была катастрофической.

– Стой! – перебил его царь. – Эта, терра...

– Тераформирование, – это комплекс мер по приведению колонизируемой планеты в пригодный для нашего проживания вид, – пояснил ученый. Апполот кивнул, мол, продолжай.

– Время поджимало. Вот тогда и было создано нечто, называемое реактором – ускорителем. Он до сих пор находится под нами! Под нашей, до недавних пор, спокойной и надежной Матерью – Меру!

Апполот не стал переспрашивать, он все хорошо слышал. Теперь кусочки мозаики складывались. Это объясняло категоричный завет предков, вбиваемый с детства в голову всем жителям Алмазного Города без исключения, и царским детям тоже. Он написан и на табличке при входе на лестницу, ведущую вниз к Хранилищу Главного Жреца.

«Вход строго воспрещен! Не влезай, убьет!» И череп с костями, для наглядности.

Апполоту всегда было интересно, кто «убьет» влезшего? У него в воображении рисовался страшный, уродливый монстр, чем-то схожий с когда-то напугавшим его посеядонцем.

– И он с тех самых пор как начались землетрясения, находится под охраной Личной Гвардии Главного Жреца! – сообщил Аксиагност. – Да! Которая, к месту будет сказано, нас к нему не пропустила! Скорее всего, я не ошибусь, предположив, что и Вы не спускались туда никогда...

Апполот жестом подтвердил предположения ученого, предлагая продолжать.

– Дальше я Вам зачитаю выдержку из дневника некоего профессора Первейтса, прибывшего с группой первых терраформантов, расшифрованного мною. Должен сразу предупредить, – некоторые понятия не знакомы и мне. Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и начал читать.

«12569 год. 29 патиния.

Наша, Четвертая Экспедиция началась. Мы движемся к третьей планете. Я, почти с боем, но смог протолкнуть этот вариант, признанный Ученым Советом бесперспективным. Скорее всего, они согласились выделить мне ресурсы, чтобы таким образом просто избавиться от меня, моих учеников и моих «завиральных» идей, так сказать «малой кровью».

Другие Экспедиции, возглавляемые моими оппонентами, отправились к ближайшим звездам, на орбитах которых вращались экзопланеты более приспособленные к жизни людей, чем наша соседка по Солнечной системе, Эартресс. Первая Экспедиция отправилась больше восьми лет назад к тройной звездной системе Альфа Центавра, точнее, к ее третьей звезде – Проксиме, вокруг которой кружит похожая на наш Фаэтон, Проксима b. Незадолго до нашего отлета, от них пришла хорошая весть, – они приступают к подготовительным работам. Шансы на колонизацию неплохие.

Вторая и Третья Экспедиции, находятся на полпути к E и D Тау Кита, соответственно, и лететь им еще не менее девяти лет, но будем надеяться, что им тоже повезет!

А я верю, нас ждет...

– Ближе к проблемам Алмазного Города, Аксиагност! – грубо перебив, потребовал царь. – Их перелеты будете обсуждать со своими коллегами, когда выполните мой приказ!

– Да, мой Государь! – подчинился ученый. – Так, так... Ага! Вот!

«Уникальность Эартресс заключается в огромном, необъяснимо большом количестве свободного кислорода.

Наша идея состоит в том, чтобы с помощью реактора ускорить процесс дегазации ее ядра, состоящего в основном из гидрида железа, тем самым, способствуя выделению максимального количества водорода, который, связываясь с кислородом планеты, образует воды будущего мирового океана и соответственно, охладит планету до температуры пригодной для нашего существования.

Как я понимаю, речь о комфортном проживании на Эартресс, на этот момент даже не может идти. Главным критерием, планетарное правительство Фаэтона признало возможность переселения, как таковую.

Но у процесса дегазации оказался один забавный побочный эффект! При увеличении объема вырабатываемого водорода, объем планеты тоже начал расти! Мы, проверяя свою теорию на компьютерных моделях, такого результата не получили ни разу, соответственно и не смогли учесть возможных последствий. Единный до того материк, – мы назвали его Пангея, треснул!

Треснул, и стал расходиться по линиям разлома, а те, в свою очередь, начали заполняться водой!

И чем больше появлялось воды, тем больше ее требовалось! Получился невероятный замкнутый круг! И мы...»

Аксиагност прервал рассказ, облизывая пересохшие губы. Апполот молча ждал, когда тот продолжит, не став предлагать воду, стоящую в золотом кувшине на столе у ростового зеркала. Не по протоколу.

Ученый сглотнул ком, с усилием пропихнув его в горло.

– Г-р-р! – прочистил он связки. – Простите, мой Государь!

Он поискал глазами в листке, на чем остановился.

– Ага. И мы... Так. Ага! Продолжаю!

«К моменту перед катастрофой, когда оставаться на самом Фаэтоне и даже в близости от него стало опасно, у нас на Эартресс уже была вода в огромном количестве. За прошедшие шестьдесят шесть лет, образовались отдельные материки, разделенные океанами. Температура стала для нас почти идеальной. Что мы пережили за эти годы, не описать словами...»

– Ты хочешь сказать, что Главный Жрец знал истинную историю? – перебил его царь.

– Я в этом уверен! – подтвердил Аксиагност. – Мало того, – ее всегда знали ВСЕ Главные Жрецы, но не Деспозины!

– Что там дальше? – Апполот не стал развивать скользкую тему.

Ученый пробежал глазами по листку.

«Мы решили остановить реактор, предварительно встроив, управляющий стержень из гафния, который рассчитываем использовать как активатор – деактиватор, для последующего возможного запуска».

– Я не знаю, что такое «гафний», – признался он.

– Дальше! – потребовал царь.

«Анализ развития обнаруженного нами побочного эффекта, позволяет предположить возможный вариант дальнейшего развития событий. Понимание процессов даст нам инструменты для регулирования климатических, тектонических, а возможно и еще каких-то параметров планеты.

Если Эартресс растет постоянно, пока работает реактор, то при его отключении, я даже не сомневаюсь, – также возможно ее сжатие, вплоть до первоначальных размеров. Предполагаю его скачкообразный характер. Сжатие будет сопровождаться проявлением сейсмической активности и поднятием уровня мирового океана. При сжатии до первоначального размера, – океан поднимется примерно в полтора раза, от наличествующей на нынешний момент его средней глубины.

Воду-то, обратно в ядро не возвратить!»

– Возможно, Вы знаете, о чем он написал? – предположил Аксиагност. – Стержень...

Апполот отрицательно мотнул головой.

– Я уверен, – это меч Вашей династии, «Клинок Равновесия»! – сообщил ученый. – Он, как и остальные артефакты, передавался Главным Жрецом новому Деспозину в руки при коронации, и после нее, тут же уносился обратно!

Предоставленная Главой Ученого Совета информация, конечно, стала новостью для царя, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

– И только скипетр, настоящее название которого – «Наследие Фаэтона», хранится у Вас, – Аксиагност указал глазами в сторону стоящего в специальной подставке на изящном пилоне, жезла. – Остальные реликвии, почему-то находятся там, у Главного Жреца, у реактора, охраняемые его Личной Гвардией, и их выносят на белый свет на очень непродолжительное время! Вы знаете, почему?

– Дед сказал моему отцу, а отец мне, что так заведено еще самим Митридатом I! Так было, есть, и должно быть! Менять ничего нельзя! Ты сам это знаешь! Зачем я должен повторять очевидное?! – голос царя зазвенел раздражением, он вновь досадовал на себя, что такой простой до идиотизма вопрос, не пришел в голову ему самому.

– Потому что, без ответа на этот вопрос, мы не узнаем причины происходящих катаклизмов! – упрямо заявил ученый. – У каждого из них свое уникальное и неповторимое, сугубо практическое предназначение! И в то же время, они ценны только тогда, когда собраны все вместе! В так называемый сет «Надежда Гипербореи».

– И какое же? – Апполоту стало не по себе. Плохое предчувствие заползло и свернулось змеей под горлом. Почему-то об этом умолчали и дед, и отец. Или они сами не знали? А может быть, они посчитали это знание излишним, правя без катаклизмов, в сытой, довольной, процветающей стране? Счастливые люди!

– О «Клинке Равновесия» я уже говорил, – начал перечислять Аксиагност, – это включатель – выключатель этого самого «реактора».

Царь сделал привычный нетерпеливый жест: «дальше – дальше»!

– Монаршая цепь, «Петля Свентовида», – продолжил ученый. – Каким-то образом связывала все артефакты между собой. С помощью Вашей Короны, «Восходящей Звезды», – специально обученный человек управлял «реактором». А Ваша монаршая держава – «Сфера Благодати Ра», – это аккумулятор некой маны, – окончательно добил царя ученый.

– Чего аккумулятор? – перебил его Апполот. – Откуда у Вас сведения и что это за «мана» такая? Почему я ничего об этом не знаю?!

– Надо было про то у своего жреца спросить! – внезапно потеряв страх, посоветовал ученый. – Мои знания лежат совершенно в другой плоскости! Могу только предположить, что это нечто сродни эфиру и его можно выделять, и хранить в сжиженном состоянии. И его там оставалось на самом доньшке! И судя по всему, оставшиеся реликвии без этой «маны», работать не будут!

– А откуда ты знаешь, сколько ее там оставалось? – удивился царь, не обратив внимания на непочтительный тон ученого. – Ты же мне жаловался, что тебя не пускают в подземное Хранилище Главного Жреца!

– Я держал в руках эту сферу перед Вашей коронацией! – признался Аксиагност, отсутствующим взглядом глядя мимо царя куда-то вверх. – Возможно, Вы не обратили внимание на те капли, что оставались в ней...

Я хотел увидеть ее еще раз. Каюсь, мой Государь! Я решил действовать самостоятельно! Не испросив Вашего разрешения, но как мне нужно было поступить, чтобы исполнить Ваше распоряжение, если меня к реактору и близко не подпускали?! А я знал точно, – он там!

Я просил их, умолял пропустить меня внутрь, имея на руках подписанный Вами пропуск! Они не пустили бы меня ни при каких обстоятельствах, я уверен! Если бы Главный Жрец не отсутствовал, у меня ничего не получилось бы. А так, я приказал своей охране перебить расслабленный и зажавшийся в своей неприкасаемости караул, охраняющий вход в машинный зал!

Он сложным движением, словно разминая шею, покрутил головой.

– В Ваше письменное распоряжение на допуск в Хранилище, часовые Жреца со смехом высморкались! Перед смертью... Это меня и взбесило! Но! Артефактов в Хранилище не оказалось! Только...

– Что?! – потемнел лицом царь, перебивая ученого. – Ты, ты... Ты понимаешь, что натворил?! Ты же дал ему повод развязать бойню! О-о! Черт бы тебя побрал! Это сколько же напрасных смертей! Ты о себе, хоть подумал? А о семье? У тебя же четверо детей!

Аксиагност молча, с высоко поднятой головой, смотрел на Апполота. И было видно, – ему наплевать, и на Жреца, и на семью, и на напрасную смерть окружающего человеческого планктона. И на всех Деспозинов разом. И на свою судьбу, в том числе.

– Мне Истина дороже, мой Государь! Тем более...

Он замолчал, собираясь с мыслями.

Апполот скрипнул зубами, едва не застонав от бессилия. И очень пожалел, что ничего фактически не решает в своей стране, – он так, просто роскошно выглядящая ширма, за которой делают действительно серьезные дела, другие, не марионеточные персонажи.

Так было заведено задолго до него – все текущее управление лежало на плечах других людей.

Главный Жрец занимался внутренними, а теперь еще, по его же прямому приказу, будет ведать внешними вопросами и представлять Гиперборею в других государствах. И он не скрывал, что ему понравилось это назначение! Словно расчетливый паук, он оплел своими сетями всю страну, держа под контролем цепких лап даже малейшие колебания самых тонких нитей, притягивая ими в свое логово, расположенное под самыми корнями Горы Матери, лучших сынов и дочерей Гипербореи. Апполот не знал, сколько послушников и послушниц находятся в его подчинении. Так, как и не интересовался, чем они там занимаются.

Аксиагност же, доморощенный мятежник, постоянно жаловался на то, что способных юношей и девушек, ставших совершеннолетними и поступающих на государственную службу, после отбора Главным Жрецом, практически не остается. И Ученому Совету достается, в лучшем случае второсортный человеческий материал. Много ли с таким наработаешь?

То же самое происходило и у Совета Строителей, и у Совета Муз, да у всех!

Так было заведено.

Апполот понимал текущую ситуацию и, в общем-то, не хотел ее обострять. Жрец тоже не шел на конфронтацию. Его устраивала роль «серого кардинала». Тем более, – судя по наличию у Жреца собственной Гвардии, – царь здесь, скорее он, нежели Апполот. У него только отряд Сопровождения и Почетного Караула, да и то не факт, что он набран не из людей Жреца.

– Что же ты натворил, Аксиагност! – уже тише, повторил царь, поднимаясь с трона и направляясь к столику, чтобы налить себе воды.

«А может, просто арестовать его сейчас и сдать Жрецу, когда тот вернется? И вся проблема?» – проскочила у царя мысль. Он, мелкими глотками осушил кубок, поглядывая на гордо выпятившего квадратный подбородок самоубийцу, по-другому, назвать человека, идущего против Жреца, язык не поворачивался. Ладно бы сам самоубивался, так еще и других за собой тащит, правдолюб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.